

13 ВАНДЕМЬЕРА: КТО ВИНОВАТ?

Д.Ю. Бовыкин

«Утром 13 вандемьера солдаты правительственных войск, защищавшие Тюильри – резиденцию Конвента, стали получать лаконичные, деловые приказы, определявшие новое расположение частей и орудий. Приказы исходили от генерала Буонапарте. Это имя еще никому не было известным. ”Бонапарт? Это что за черт?” — воскликнул Тьебо, в ту пору капитан, позднее генерал и барон империи, впервые услышав незнакомое ему имя в то памятное утро. Тьебо оставил колоритную зарисовку первого впечатления, произведенного на него генералом. “Небрежность его туалета, длинные свисающие волосы, ветхость одеяния подчеркивали крайнюю нужду, но, несмотря на опалу, на двадцать шесть лет, на общий столь неимпозантный внешний вид... с этого дня он стал подниматься в общественном мнении...”»¹

Так в известной книге А.З. Манфреда начинается описание дня, ставшего поворотным в жизни молодого генерала Наполеона Бонапарта. Отличившись при осаде Тулона, он оказался слишком тесно связан с якобинцами и младшим братом М. Робеспьера, чтобы после падения диктатуры монтаньяров рассчитывать на успешное продолжение карьеры. Отдельные попытки наладить контакты с видными термидорианцами (и, в их числе, с Полем Баррасом) казались не очень успешными – до тех пор, пока Баррас в 1795 г. сам не получил генеральский чин и не был в критический момент назначен главнокомандующим вооруженными силами Парижа и Внутренней армией. Тогда-то Баррас, полагая, что он не обладает достаточным опытом ведения боевых действий²,

Дмитрий Юрьевич Бовыкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-00268а.

¹ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1980. С. 123.

² Временами в историографии можно встретить мнение о том, что Бонапарт получил свое назначение, поскольку «Баррас не был военным» (Тарле Е.В. Наполеон. М., 1992. С. 29). Однако это не соответствует действительности. Баррас не только имел к тому времени генеральский чин, но и служил в армии с 16 лет. Более того, скорее всего во время переворота 9 термидора он был выбран на роль командующего вооруженными силами Парижа именно потому, что имел боевой опыт.

и принял решение призвать на помощь ряд знакомых офицеров, среди которых оказался и Бонапарт. Однако прославился лишь последний. Получив прозвище «генерал вандемьер» и зарекомендовав себя верной шпагой режима, Бонапарт вступил на путь, который привел его в Итальянскую армию, а затем – к славе и трону.

Обстоятельства, предшествовавшие восстанию 13 вандемьера IV года Республики (5 октября 1795 г.), равно как и его ход, хорошо известны и, на первый взгляд, не таят никаких сюрпризов³. Когда летом 1795 г. Конвент, наконец, выработал новую Конституцию (получившую название Конституции III года) и принял решение вынести ее на референдум, то одновременно депутаты представили на утверждение народа два своих декрета – от 5 и 13 фрюктидора (22 и 30 августа 1795 г.), вошедшие в историю как «декреты о двух третях». Они предусматривали обязательное переизбрание в Законодательный корпус не менее двух третей членов Конвента, что официально объяснялось слишком серьезной угрозой существованию Республики: мол, если не позаботиться о сохранении власти у людей, уже доказавших свою преданность Революции, велика вероятность, что на выборах победят роялисты.

Однако значительной частью общества декреты были восприняты как стремление всеми правдами и неправдами добиться переизбрания депутатов, уже изрядно скомпрометировавших себя за прошедшие три года. «Правление Конвента, не поддерживаемое более казнями, было низко и достойно лишь презрения; все честные люди желали свержения его»⁴, – вспоминал впоследствии генерал О.Ф.Л. Мармон. Так это было или не так, оглашенные 23 сентября 1795 г. результаты голосования говорили сами за себя: в референдуме по Конституции участвовало 958 226 человек, «за» высказалось 914 853, «против» – 41 892. По декретам о двух третях голосовало 263 131 человек, «за» – 167 758, «против» – 95 373⁵. Один департамент проголосовал против Конституции; 19 отвергли декреты.

Несмотря на столь мизерное число граждан, проголосовавших за декреты о двух третях, они были торжественно объявлены принятыми

³ Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. Гл. VII. Декреты о двух третях. Ряд свидетельств и оценок, которые будут приведены в данной статье, уже были затронуты в этой монографии, однако в интересах логики повествования мне вновь придется к ним вернуться.

⁴ *Marmont A.F.L.* Mémoires du duc de Raguse de 1792 à 1832 imprimés sur les manuscrits original de l'auteur. P., 1857. Vol. 1. P. 82.

⁵ Réimpression de l'ancien Moniteur (далее – Moniteur). P., 1842. Vol. 26. P. 31. Через несколько дней последовала поправка, несущественно эти цифры менявшая. – *Tulard J. Fayard J.-F. Fierro A.* Histoire et dictionnaire de la Révolution française. P., 1987. P. 199.

французским народом. При этом в столице голосование по декретам проходило особенно сложно: их одобрила лишь одна секция из сорока восьми. Кроме того, секции сразу же отвергли все поставленные Конвентом ограничения по срокам созыва первичных собраний, равно как и запрещение сноситься друг с другом. После решения Конвента признать декреты вступившими в силу на депутатов посыпались обвинения в узурпации народного суверенитета, в ряде секций были высказаны предложения объявить заседания непрерывными и покарать зарвавшихся законодателей – как минимум урезав их полномочия.

За двадцать с небольшим дней до окончания работы Конвента парижские секции восстали. Именно тогда, чтобы противостоять им, Конвент поручил Баррасу возглавить верные правительству силы. Сложившаяся ситуация оказалась для правительства весьма сложной: численное преимущество было не на его стороне⁶. Мятежники уже подступали ко дворцу Тюильри, где заседал Конвент. Принято считать, что положение спас генерал Бонапарт, решивший применить для защиты депутатов артиллерию:

«Бонапарт нашел простейшее решение. В ту пору еще не было многих мостов через Сену, соединяющих ныне левый берег с правым. Карто первоначально удерживал прочно Новый мост, и, следовательно, не приходилось опасаться удара с левого берега. Это позволило Бонапарту расположить основные орудия своей артиллерии в направлении Пале-Рояль, откуда надо было ожидать главную атаку.

Он ждал, когда мятежники сконцентрируют для наступления крупные силы; в условиях уличной войны иначе и быть не могло. И действительно, когда у церкви Святого Роха скопились значительные соединения противника, готовые идти на штурм Тюильри, Бонапарт отдал команду: "Огонь!".

Несколько залпов из артиллерийских орудий, и исход сражения был решен. На улицах остались сотни убитых и раненых. Мятежники разбежались в разные стороны»⁷.

⁶ Как правило, в историографии принято подчеркивать заслуги Бонапарта, отмечая, что он смог разогнать мятежников, на стороне которых было четырехкратное численное преимущество. «У восставших было больше 24 тыс. вооруженных людей, – пишет, например, Е.В. Тарле, – а у Бонапарта не было в тот момент и полных 6 тыс.» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 30-31; см. также: Манфред А.З. Указ. соч. С. 120). Однако реальное соотношение сил было все же несколько иным: 5-6 тысячам защитников Конвента противостояло не более 7-8 тысяч инсургентов, тогда как остальные вооруженные силы секций патрулировали свои районы и не выходили за их пределы (Ducoudray E. Vendémiaire (Journée du 13) // Soboul A. Dictionnaire historique de la Révolution française. P., 1989. P. 1077).

⁷ Манфред А.З. Указ. соч. С. 123.

Восстание завершилось поражением. Теперь современникам и историкам предстояло разобраться в его причинах, выявить организаторов и реконструировать ход событий.

* * *

Историк, изучающий любое из массовых вооруженных выступлений эпохи Революции, неизменно сталкивается с тем, что существуют несколько различных ракурсов восприятия одного и того же события. Один из них – привычный, более или менее устоявшийся рассказ о восстании, который можно найти в учебниках и общих работах, своеобразное среднее арифметическое наших представлений на данный конкретный момент времени. Если ему довериться, сложится ощущение, что за прошедшие двести с лишним лет все эти события хорошо изучены, понятны и многократно объяснены. Совсем под другим ракурсом смотрели современники восстания: либо находившиеся в какой-то одной точке событий, либо судившие о них по официальным отчетам и прессе, а то и вовсе довольствовавшиеся слухами. Третий ракурс – воспоминания о восстании, уже значительно более унифицированные и, в то же время, покрытые патиной времени. И, наконец, под четвертым ракурсом смотрит сам исследователь, пытающийся разобраться в том, «как оно было на самом деле», и осознающий, что это едва ли возможно, поскольку свидетельства современников, как правило, противоречат друг другу, а истинные мотивации участников остаются за рамками доступных источников⁸.

Восстание 13 вандемьера IV года Республики не является здесь исключением. Более того, оно представляется мне, пожалуй, одним из самых запутанных восстаний Революции. Свидетельства о нем столь противоречивы, что их весьма сложно принимать на веру – и, в результате, достоверность едва ли не каждой крупницы наших знаний может быть поставлена под сомнение.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться, например, к вопросу о роли генерала Бонапарта в подавлении мятежа – роли, казалось бы, уже хрестоматийной. Прежде всего, кем он был в тот день? Сам Бонапарт утверждал, что его хотели назначить главнокомандующим, однако он предложил вместо себя Барраса, чтобы

⁸ Убедительной иллюстрацией здесь может служить, например, недавно опубликованная статья – *Baczko B. Droits de l'homme, paroles des femmes // Dix-huitième siècle. 2005. N 37*, – в которой анализируется поход женщин в Версаль 5-6 октября 1789 г. Б. Бачко показывает, что, несмотря на проведенное по горячим следам расследование и более чем 400 опрошенных очевидцев и участников, установить подстрекателей и организаторов этого марша так и не удалось, а свидетельства содержат множество совершенно фантастических описаний происшедшего.

освободиться от политической опеки со стороны депутатов Конвента⁹. Отражение этой точки зрения можно обнаружить и в историографии: так, например, Я.М. Захер писал, что Бонапарт в этот день командовал регулярной армией¹⁰. «Он был назначен помощником Барраса»¹¹, – полагал Е.В. Тарле. Другой вариант, который можно найти, в частности, у А. Кастело, – адъютантом того же Барраса¹². «Бонапарт не был заместителем главнокомандующего, как он писал в своих мемуарах, – замечал А.З. Манфред. – Он был назначен в соответствии со своей специальностью начальником артиллерии»¹³. «Был ли он 13 вандемьера хотя бы заместителем командующего? – задавался тем же вопросом Ж. Тюлар. – Скорее всего, он просто был призван в армию, подобно многим другим оставшимся не у дел офицерам»¹⁴.

Аналогичная картина и со знаменитым расстрелом инсургентов на ступенях церкви Святого Роха. «Мятежники двинулись на Конвент, – рассказывал эту историю Е.В. Тарле, – и навстречу им загрелась артиллерия Бонапарта. Особенно страшным было избиение на паперти церкви св. Роха, где стоял их резерв... Оставив несколько сот трупов, мятежники бежали в разных направлениях...»¹⁵. «Однако как бы этот залп был возможен? – писал за четыре десятилетия до того А. Зиви, проанализировав карты Парижа XVIII века. – Достаточно представлять себе взаимное расположение Святого Роха и улицы Конвента: из этого узкого прохода пушки могли попасть лишь в угол церкви и ступеней, если вообще могли»¹⁶. «Конечно, Наполеон не мог, как гласит легенда, расстрелять картечью “черные воротнички” на ступенях церкви Святого Роха, – согласен с ним Р. Дюфрес, – рельеф местности этого не позволял»¹⁷.

Я привел эти два примера лишь для того, чтобы показать всю сложность нового обращения к этим событиям. Если уж нет ясности даже по поводу роли в них будущего императора французов, которому в мировой историографии посвящены сотни томов, что говорить о других перипетиях того осеннего парижского дня, изучением которых за прошедшее время специально занималось меньше десятка историков.

⁹ Zivy H. Le treize vendémiaire an IV. P., 1898. P. 74.

¹⁰ Захер Я.М. Парижские секции 1790-1795 гг. Пб., 1921. С. 42.

¹¹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 30.

¹² Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 123.

¹³ Манфред А.З. Указ. соч. С. 121. Этой же точки зрения придерживается и Ж.-П. Берто: *Bertaud J.-P. Bonaparte Napoléon // Soboul A. Dictionnaire historique...* P. 132.

¹⁴ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996. С. 65. Судя по всему, прав именно Ж. Тюлар. По крайней мере, такой же точки зрения придерживается и А. Зиви, работавший с архивными документами. – Zivy H. Op. cit. P. 73-77.

¹⁵ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 30.

¹⁶ Zivy H. Op. cit. P. 90-91.

¹⁷ Дюфрес Р. Наполеон. М., 2003. С. 21.

Основная проблема возникает отнюдь не с хронологией событий и не с причинно-следственными связями между ними, а с их интерпретацией. За две сотни лет описания обстоятельств, связанных с восстанием 13 вандемьера, в общих чертах устоялись, и ныне в них практически не встречается разночтений – как правило, авторы общих работ выстраивают повествование в следующей логике:

«Роялистское восстание 13 вандемьера... опередило назначенные на 20-е выборы и увенчало собой волнение, проявлявшееся в Париже на протяжении предшествующих месяцев. 20 фрюктидора (6 сентября 1795 г.) парижская секция Лепелетье – секция Биржи и спекуляций – приняла *акт о гарантиях*, а секция Фонтана Гренель объявила свои заседания непрерывными¹⁸. Первичные собрания, в которых преобладали роялисты, исключили из своих рядов санкюлотов и бывших террористов. Брожение усилилось после публикации результатов плебисцита: восемнадцать парижских секций оспорили его результаты. 9 вандемьера (1 октября) одновременно узнали о роялистском мятеже в Шатоней-ан-Тимрэ и в Дре 27 фрюктидора (13 сентября) и о его подавлении; секция Лепелетье призвала к восстанию. 11 вандемьера (3 октября) по меньшей мере семь секций объявили себя восставшими. Конвент провозгласил себя заседающим непрерывно, назначил чрезвычайную комиссию из пяти человек (в число которых вошел Баррас) и обратился с призывом к санкюлотам: 12 вандемьера (4 октября) был отменен декрет о разоружении бывших террористов и сформировано три батальона *патриотов 89-го года*¹⁹. Восстание получило развитие в ночь с 12 на 13 вандемьера при пособничестве командующего вооруженными силами генерала Мену; была создана Центральная комиссия; большая часть Парижа оказалась в руках восставших; Конвент был осажден»²⁰.

¹⁸ Добавлю от себя, что даже при проведенном под давлением Конвента повторном голосовании в этой секции из 1844 голосовавших лишь 61 человек высказался за декреты о двух третях. – Archives Nationales (далее – А.Н.), В II 61. Doc. 120.

¹⁹ Так в то время нередко называли людей, поддерживавших политическую линию термидорианского Конвента.

²⁰ *Soboul A. La Révolution française. P., 1982. P. 437-438.* Эта цитата видится мне весьма показательной еще и потому, что для «якобинской» историографии Собоуль долгие годы был своеобразным «законодателем мод». На его тексты ориентировались, его точка зрения охотно воспроизводилась: «В Париже назрел роялистский мятеж... 9 вандемьера (1 октября) секция Лепелетье, а это район Биржи, призвала к восстанию... 11 вандемьера Конвент объявил свои заседания непрерывными и назначил Чрезвычайную комиссию из пяти членов во главе с Баррасом... На другой день он отменил разоружение бывших террористов и предписал сформировать три батальона *патриотов 89-го года*... Значительная часть столицы перешла в руки мятежников... Конвент был осажден» (*Ревуненков В.Г. История Французской революции. СПб., 2003. С. 489-490.*)

Таким образом, восстание однозначно признается роялистским и объясняется тем, что роялисты, недовольные принятием декретов о двух третях, смогли взять под свой контроль ряд секций. Однако сразу же обращает на себя внимание то, что это «роялистское» восстание не ставило перед собой никаких роялистских целей: в тексте Собуля нет ни слова о требованиях восстановить монархию, о стремлении призвать на французский трон Людовика XVIII (которого роялисты считали в то время законным государем), о каких-либо антиреспубликанских лозунгах мятежников.

Это не единственная странность, которую можно найти в работах авторов, признававших восстание 13 вандемьера роялистским – есть немало других тезисов или фактов, которые с трудом укладываются в эту концепцию. Так, например, Ф. Фюре и Д. Рише писали:

«Правые были разобщены. Убежденные роялисты испытывали презрение к этому брожению. Агенты графа д'Антрэга – Бротье и де Помель²¹ – были враждебны движению, которое отстаивало суверенитет народа. По противоположным причинам, которые должны были привести к сходным результатам, мудрецы Собрания и салонов отговаривали от незаконных действий. Мадам де Сталь заявила Лакретелю-младшему²², что движение секций может привести к гражданской войне и удушить в зародыше эволюцию в сторону умеренности»²³.

Иными словами, и убежденные роялисты (сторонники Людовика XVIII), и конституционные монархисты (по крайней мере, часть из них) были против восстания. Но какие же роялисты тогда в нем участвовали? «Золотая молодежь», – отвечали Фюре и Рише, однако это, очевидно, звучало не очень убедительно. Видимо, поэтому впоследствии Фюре отказался от данной концепции, и в его книге «Революция» мятеж 13 вандемьера определяется уже как «восстание умеренных секций Запада, ведомых золотой молодежью»²⁴.

²¹ Речь идет о так называемом Парижском агентстве – едва ли не самой старой шпионской роялистской организации в Париже, созданной еще в первые годы Революции под эгидой испанского правительства. Бывший депутат Генеральных штатов и известный памфлетист граф д'Антрэг после отъезда в эмиграцию находился на службе ряда европейских держав и одновременно выполнял поручения братьев Людовика XVI – в частности, через посольство Испании в Венеции организовывал связь принцев с Парижским агентством, сотрудниками которого были аббат Бротье и шевалье де Помель.

²² Лакретель Шарль (младший) (1766-1855) – адвокат, журналист и историк, известный своими симпатиями к роялизму, один из лидеров мятежа 13 вандемьера.

²³ *Furet F., Richet D. La Révolution française. P., 1973. P. 315*

²⁴ *Furet F. La Révolution. 1770-1880. P., 1988. P. 175.*

Если же вернуться к работе А.З. Манфреда, то мы увидим еще один логический ряд – на страницах, предшествующих рассказу о восстании 13 вандемьера, автор отмечает: «Роялистская партия не представляла собой чего-либо единого. Напротив, не было ничего более пестрого, противоречивого, разногласного, чем партия сторонников монархии»²⁵. Однако далее, по словам Манфреда, эта «партия» действует как единое целое: роялисты надеются на конституционный путь восстановления монархии, «дальше мечтаний о кровавом возмездии сплоченность роялистов не шла», «эта мысль в течение сентября воодушевляла всех сторонников монархии». И, наконец, при описании самого кануна восстания появляется, очевидно, еще более сплоченная группа людей, именуемых «заговорщиками» – именно они дают отмашку началу восстания. Но кто эти «заговорщики»? Как они соотносятся с «роялистами»? Об этом книга умалчивает.

Еще труднее приходится тем авторам, которые ставят своей целью объяснить, почему восстание считается роялистским, если среди мятежников сторонники монархии не находились в большинстве – ведь никаких реальных цифр, которые позволяли бы выявить их удельный вес среди восставших не существует, и, скорее, наоборот, сомнительно, чтобы среди 35 тысяч разоруженных после мятежа парижан они преобладали. «Роялисты смогли умело обмануть и объединить вокруг себя недовольных, консервативных республиканцев, всех, кто отвергал декреты», – пишет Э. Дюкудре²⁶. Быть может, но, опять же, какие именно роялисты, если далее говорится, что они делились на конституционалистов и абсолютистов? По мнению Ж. Лефевра, восстанием 13 вандемьера «руководили контрреволюционеры, но его поддерживали конституционные монархисты, и все те, кто надеялся избавиться от депутатов Конвента»²⁷. Бесспорно поддерживали, но кто же эти «контрреволюционеры», что руководили восстанием? За что они выступали? Е.В. Тарле высказывается еще осторожней: «Роялисты были далеко не одни, – поясняет он, – они находились даже и не на первом плане ни при подготовке дела, ни при самом выступлении. Это-то и делало в вандемьере положение Конвента особенно опасным»²⁸. Однако мне видится, что после этого тезиса вопрос о движущих силах восстания едва ли становится яснее.

Таким образом, несмотря на общую логику повествования, по двум ключевым группам вопросов согласия у авторов нет. Лежал ли в

²⁵ Манфред А.З. Указ. соч. С. 118.

²⁶ Ducoudray E. Op. cit. P. 1077.

²⁷ Lefebvre G. La France sous le Directoire. P., 1984. P. 42.

²⁸ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 26.

основе мятежа заговор? Как именно роялистам удалось направить толпу на Конвент?²⁹ Составляли ли они костяк этой толпы? И – с другой стороны, что за люди организовали восстание 13 вандемьера? Одним кажется, что конституционные монархисты³⁰, другим – что «откровенные роялисты»³¹, третьим – что «чистые роялисты»³², четвертых вовсе не занимает эта проблема³³.

Логично было бы предположить, что если авторы общих трудов по истории Революции могут себе позволить не концентрировать свое внимание на перечисленных вопросах, просто присоединившись к той точке зрения, которая кажется им наиболее убедительной, то авторы специальных трудов по истории контрреволюции и роялизма такой возможности лишены. Однако, обратимся непосредственно к их работам.

Одной из первых книг на эту тему стала монография П. Тюр-Данжена «Роялисты и республиканцы»³⁴. Он оценивал восстание 13 вандемьера следующим образом: роялисты сами себе навредили. Им следовало подождать того момента, когда благорасположенность общественного мнения принесла бы им победу на выборах, а вместо этого они пошли на вооруженное противостояние. По мнению автора, и ультра, и конституционалисты выступали в этом движении сообща, став временными союзниками. И сообща потерпели поражение. Вместе с тем, называя конкретные имена, Тюр-Данжен, по сути, доказывает лишь участие в мятеже отдельных сторонников монархии, но никак не роялистский характер движения в целом.

Иной точки зрения придерживается Ж. Годшо в ставшей уже классической монографии «Контрреволюция. Доктрина и действие»³⁵. На его взгляд, мятеж подготовили исключительно конституционные монархисты, лишившиеся из-за декретов о двух третях возможности прийти к власти легальным путем. Однако и здесь рассказ о ходе событий заменяет какую бы то ни было систему доказательств.

При подобном разнообразии мнений, не удивительно, что автор третьей крупной монографии по этому сюжету (а работы, посвященные

²⁹ Я.М. Захер пишет даже, что восстание организовали «контрреволюционные секции» (*Захер Я.М.* Указ. соч. С. 42) – крайность, на которой ни один другой автор не настаивает.

³⁰ *Rudé G.* The French Revolution. L., 1988. P. 120.

³¹ *Ревуненков В.Г.* Указ. соч. С. 489.

³² *Мадлен Л.* Французская революция. Берлин, 1922. Т. 2. С. 199, 200.

³³ *Tulard J., Fayard J.-F., Fierro A.* Histoire et dictionnaire de la Révolution française. P., 1987. P. 1136

³⁴ *Thureau-Dangin P.* Royalistes & Républicains. P., 1874.

³⁵ *Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action. 1789-1804. P., 1984.

контрреволюции, вплоть до сегодняшнего дня весьма немногочисленны), Д. Сазерлэнд, предпочел и вовсе не выносить на сей счет никакого суждения, ограничившись постановкой проблемы, которая видится мне абсолютно корректной:

«Это было едва ли не самое странное из всех парижских восстаний. Если оно было роялистским, то это ни разу не было признано ни в петициях, ни в декларациях инсургентов. Если оно просто было направлено против декретов Конвента о двух третях, то его успех помог бы роялистам, однако агенты Претендента³⁶, находившиеся в городе, отрекались от него, как от творения монархистов конституционных. Если протест был направлен против террористов, выходит, что секции весьма умело использовали разговоры о народном суверенитете и праве на восстание в антинародном деле. Если восстание резонно представляется “буржуазным”, получится, что самую большую единую категорию составляли ремесленники и подмастерья. Люди, зарабатывавшие на жизнь своими руками, составляли почти треть арестованных, чей род занятий был известен»³⁷.

Однако и Сазерлэнд, словно забыв, что сам только что написал, в конце концов называет 13 вандемьера «частью нескоординированного, но реального наступления роялистов»³⁸.

Попробуем еще сильнее уменьшить масштаб и посмотреть работы, посвященные непосредственно самому восстанию. Первое, что бросается в глаза: если к другим известным *journalées* Революции историки то и дело возвращались, постоянно их переосмысливая, то мятеж 13 вандемьера удостоился на Западе лишь одной монографии – небольшой книжечки Анри Зиви на полторы сотни страниц, опубликованной уже более века назад³⁹. Это тем более удивительно, что значение данного события, как мне видится, выходит за рамки, собственно, переходного периода от Термидора к Директории. По меньшей мере, оно заставляет задуматься о той новой роли, которую начинает играть в это время армия. Если ранее – с первых дней Революции – войска никогда не играли в восстаниях решающей роли, то с 1795 г. и далее, вплоть до установления режима личной власти Бонапарта, армия будет все больше и больше вмешиваться в политику.

Работа, сделанная А. Зиви, не может не вызывать уважения. Проанализировав широчайший круг источников (в том числе и немало

³⁶ Имеется в виду Людовик XVIII.

³⁷ Sutherland D.M.G. France 1789-1815. Revolution and Counterrevolution. London, 1988. P. 275.

³⁸ Ibid. P. 277.

³⁹ Zivy H. Le treize vendémiaire an IV. P., 1898.

архивных), он вписывает восстание 13 вандемьера в следующую логику: декреты о двух третях вызвали повсеместное возмущение, однако прежде всего ими были недовольны те, кто хотел воспользоваться Конституцией III года для восстановления монархии. Роялистов в стране было немало, однако «в общественном мнении роялистские настроения проявлялись лишь в виде неоформившихся тенденций и опасений республиканцев»⁴⁰. Это само по себе довольно спорно, поскольку подразумевает, что республиканцы видели перед собой не реальную угрозу, а страшились неких фантомов, которые существовали преимущественно в их воображении.

Не менее любопытно то, что пишет Зиви далее:

«Однако существовали роялисты скрытые и куда более активные. После 9 термидора ими стали перековавшиеся монтаньяры, термидорианцы, Тальен, Фрерон, которые атаковали с трибун и в прессе террор и террористов. Но вскоре их ряды пополнили и иные: писатели, журналисты объединили с ними свои усилия в рамках общей мощной кампании. Окончание революционного режима, возвращение порядка и свободы наряду с законным и умеренным правительством – так выглядела единая цель их усилий. В их писаниях и газетах не было и следа роялизма; если их обвиняли в роялизме, они живейшим образом протестовали. Однако делали это лишь из расчета и осторожности: время для роялистской пропаганды еще не наступило, и закон был суров. Подстрекательство к восстановлению королевской власти наказывалось смертной казнью»⁴¹.

Получается, что лучший специалист по восстанию 13 вандемьера признает: бесполезно искать в документах роялистскую составляющую, ее там нет. Но где же тогда она есть?

Как мне видится, здесь мы имеем дело с определенным логическим парадоксом. Действительно, баталии вокруг сохранения или отмены революционного порядка управления разворачивались нешуточные⁴². Вот только что может служить доказательством роялистских намерений множества авторов, недовольных диктатурой монтаньяров, если сами эти авторы оказались достаточно предусмотрительны, чтобы эти намерения замаскировать? Лишь косвенные свидетельства и умозаключения, которые приходится принимать на веру. Так, скажем, рассуждая о писателях и журналистах, выступавших против наследия Террора, автор отмечает: «Почти все они были роялистами. Мнения

⁴⁰ Zivy H. Op. cit. P. 12.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Подробнее см.: Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и Революция. М., 2006.

Лакретеля⁴³ и Воблана⁴⁴, роль ряда из них в восстании 10 августа и позднее при Реставрации в достаточной степени это доказывают»⁴⁵. Однако мнения, на которые ссылается Зиви, были высказаны спустя много лет, а при Реставрации Людовику XVIII служили весьма разные люди (и в их числе, как известно, бывший якобинец Ж. Фуше). Да и отношение к восстанию 10 августа и судьбам монархии едва ли во многих случаях может считаться убедительным доказательством, поскольку Людовика XVI в 1792 г. поддерживало множество людей (в частности, из группировки Бриссо), которые впоследствии перешли на республиканские позиции.

Ситуация оказывается тем более запутанной, что роялисты, о которых пишет Зиви, настолько умело скрывали свои убеждения, что об этих роялистах не знали даже шпионы Людовика XVIII. Эти сторонники монархии «не были связаны ни с королем, ни с его агентами, которые не были уверены в их чувствах. Это были завсегдатаи салонов, куда они привлекали депутатов Конвента и льстили им»⁴⁶. Более того, «они отнюдь не были контрреволюционерами»⁴⁷. В своих газетах эти сторонники монархии постоянно писали о том, что декреты о двух третях нарушали «неотъемлемый суверенитет народа», нападали на сторонников Террора. Один из их лидеров, по словам Зиви, еще в конце весны выдвинул лозунг: «Смерть убийцам, объединимся вокруг Конвента!»⁴⁸. По сути, выходит, что если не знать этих роялистов поименно, то до осени 1795 г. их едва ли можно отличить от многих термидорианцев, а после принятия декретов о двух третях – от тех десятков тысяч французов, которые были недовольны стремлением Конвента остаться у власти.

Приводимые Зиви цитаты, на мой взгляд, полностью подтверждают эту мысль. Вот, например, что писал о тех днях Ш. Лакретель-младший почти два десятилетия спустя:

⁴³ Любопытно, что до середины 1795 г. Лакретель не только не находился в оппозиции Конвенту, но и был автором речей некоторых его депутатов. И лишь Киберон, а затем и навязывание декретов о двух третях толкнули его в лагерь противников режима. – *Barrault É. Lacrosette, un écrivain face à la Révolution française (1766-1855) // ANRF. 2003. № 333.*

⁴⁴ Венсан Мари Вьено, граф де Воблан (1756-1845) – депутат Законодательного собрания, один из лидеров секции Пуассоньер в ходе восстания 13 вандеьера. Впоследствии префект при Наполеоне. Как правило, историки считают его убежденным роялистом.

⁴⁵ *Zivy H. Op. cit. P. 13.*

⁴⁶ *Ibid. P. 14.*

⁴⁷ *Ibid. P. 110.*

⁴⁸ *Ibid. P. 17, 18.*

«Для того чтобы действовать в полном согласии, было принято решение ограничиться оборонительным союзом против увековечивания тирании Конвента. Не было выработано никакого политического проекта: старались избегать высказываний о форме государственного устройства, которую следует принять. Все думали о законном короле; однако ни одни уста не произнесли его имени, ни одно перо его не написало»⁴⁹.

За пределами этих попыток обозначить промонархическую ориентацию весьма небольшой группы людей, других доказательств роялистского характера восстания мы у Зиви не найдем – во многом, как мне видится, именно в силу его научной добросовестности. Он признавал, что «решающим влиянием» в секциях (но в каких?) пользовалась буржуазия – «адвокаты, судьи, преподаватели, литераторы, торговцы. Однако значительное число поданных голосов и согласие секций в отношении декретов указывают также на истинно народное волеизъявление»⁵⁰. В этом ракурсе весьма сомнительным представляется вывод автора о том, что «восстание 13 вандемьера стало окончанием вызванного роялистами конфликта, развернувшегося между Конвентом и парижскими секциями»⁵¹. Не роялисты вызвали этот конфликт, а, как справедливо пишет далее сам Зиви, «его спровоцировало несогласие с декретами о двух третях».

Однако и в развитии этого конфликта, если следовать за ходом рассказа Зиви, роялисты едва ли играли ведущую роль. Те документы Конвента, которые приводятся в монографии при рассказе о предыстории и ходе восстания, практически не говорят о роялистской угрозе. Основные усилия роялистов были сосредоточены, по словам автора, на том, чтобы развязать войну между секциями и правительством, однако ничто не позволяет судить об успешности их призывов: большинство секций «не стремилось к открытому бунту», и взяты за оружие их заставил «страх перед ненавистными террористами»⁵². Напротив, желания роялистов явно шли вразрез со стремлениями секций: «секции не помышляли ни о чем, кроме совместной обороны; роялисты готовили атаку на Конвент»⁵³. Однако и сам ход выступления секций против Конвента – так, как он показан у Зиви – не позволяет сделать

⁴⁹ Цит. по : *Zivy H.* Op. cit. P. 28. Эта цитата вызывает и еще один вопрос: каким же образом было принято это решение? На общем собрании? Путем переписки? Выходит, эти тайные роялисты отлично знали друг друга?

⁵⁰ *Ibid.* P. 26.

⁵¹ *Ibid.* P. 108.

⁵² *Ibid.* P. 64.

⁵³ *Ibid.* P. 66.

вывод о том, что роялистам удалось привлечь на свою сторону общественное мнение: секции решились нанести удар по депутатам лишь после того, как те склонились к использованию армии, чтобы привести парижан к повиновению. Тем более удивительным мне видится итоговый вывод работы: оппозицией руководили роялисты, они были ее «генеральным штабом». Роялистскими были и несколько секций, хотя и не все⁵⁴.

За годы, прошедшие после публикации монографии Зиви, восстание 13 вандемьера было удостоено в западной историографии всего нескольких статей, практически не уточняющих, за одним исключением, наших представлений об этом событии. Особняком в этом недлинном ряду стоит этюд Х. Митчелла «Вандемьер, переоценка»⁵⁵, посвященный роли в мятеже т.н. Парижского агентства⁵⁶. Как писал Митчелл, поскольку решение вынести на голосование декреты о двух третях «вызвало горечь в кругах умеренных республиканцев и конституционных монархистов», Парижское агентство не стало активно участвовать в секционном движении. И оно, и «роялисты из Вероны»⁵⁷ правильно предположили, что оппозиция Конвенту возникла не из-за приверженности чистым принципам роялизма, а из решимости не допустить продления полномочий Конвента»⁵⁸. Далее становится видно, что автор во многом исходил из идеи о том, что роялисты в принципе находились в противостоянии с конституционными монархистами. Это действительно является общим местом работ по истории контрреволюции, однако в реальности какое-то обобщение здесь едва ли возможно – по крайней мере, Людовик XVIII, хотя и не питал к конституционалистам большой симпатии, активно шел с ними на сотрудничество⁵⁹.

В российской и советской историографии монографии, посвященной восстанию 13 вандемьера, так и не появилось, однако был опубликован ряд небезынтересных статей. Первым, кто обратился к его исследованию, стал известный российский историк Н.И. Кареев, вышедший на этот сюжет благодаря своим занятиям парижскими

⁵⁴ Ibid. P. 109, 110.

⁵⁵ *Mitchell H. Vendémiaire, a revaluation // The Journal of Modern History. September 1958. Vol. XXX. N 3.*

⁵⁶ См. Сноску 21.

⁵⁷ Где тогда пребывал Людовик XVIII.

⁵⁸ *Mitchell H. Op. cit. P. 194.*

⁵⁹ Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю. «Я думаю по-иному...» Людовик XVIII и конституционные монархисты (1795-1799) // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 101-113.*

секциями в годы Революции⁶⁰. Отталкиваясь от уже приведенной выше мысли А. Зиви о том, что восстанием руководили какие-то совершенно особые роялисты, и опираясь на собственный опыт работы во французских архивах с документами парижских секций, Кареев в статье «Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистическим?» проанализировал два основных источника – опубликованные А. Оларом полицейские отчеты времен термидорианского Конвента и те секционные материалы, с которыми ему довелось поработать самому.

Кареев не сомневается, что, если верить полицейским донесениям, у нас нет никаких сведений о роялистской агитации в стенах секций, да и само участие роялистов в подготовке мятежа передается, скорее, в виде слухов, нежели фактов, и соседствует с отчетами об активности бывших «террористов». Далее он подчеркивает:

«Ни секция Лепелетье, ни другие секции ничем не проявили своего роялизма. – Напротив, [...] они защищали народовластие и свободу выборов. [...] Не отрицая, что роялисты ловили рыбу в мутной воде в эти дни раздражения против Конвента, мы вовсе не нуждаемся в предположении, что без агитации с их стороны не было бы движения 13 вандемьера. Секциям не в первый раз было приходиться в столкновение с Конвентом, и нарушение свободы выборов с последовавшим потом освобождением сидевших по тюрьмам террористов были достаточной причиной для секций, где возобладали умеренные элементы, чтобы ополчиться против распоряжений Конвента»⁶¹.

Как известно, значительная часть документов секций погибла во время Парижской Коммуны, и в их числе протоколы секции Лепелетье – о том, что там происходило, мы можем судить лишь по косвенным источникам. Однако часть документов замешанных в мятеже секций все же сохранилась. «Читая эти протоколы, иногда очень обстоятельные, – отмечает Кареев, – я в них не находил решительно ничего роялистического»⁶². Отсюда и итоговый вывод статьи: «Специально роялистического характера восстание 13 вандемьера отнюдь не имело»⁶³.

⁶⁰ Кареев Н.И. Парижские секции времен Французской революции (1790-1795). СПб., 1911; *Он же*. Неизданные документы по истории парижских секций 1790-1795 гг. СПб., 1912; *Он же*. Политические выступления парижских секций во время Великой революции // Русское богатство. 1912. № 11, № 12.

⁶¹ Кареев Н.И. Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? Харьков, 1914. С. 10-11.

⁶² Там же. С. 12.

⁶³ Там же. С. 16.

В другой своей работе, вышедшей годом позже⁶⁴, Н.И. Кареев вернулся к данному сюжету, задавшись на сей раз целью рассказать, какова же была на самом деле логика развития событий. Он убедительно показал, что восстание 13 вандемьера было вызвано не столько интригами роялистов, сколько противостоянием между Конвентом и секциями, спровоцированным декретами о двух третях:

«Не роялисты начали в секциях поход против фрюктидорских декретов [...]. Вся аргументация против них имела чисто республиканский характер и для того, чтобы ее придумать, вовсе не нужно было иметь какую-то заднюю мысль, с каковою будто бы “перодетые” или “замаскированные роялисты” предприняли свою кампанию против Конвента»⁶⁵.

Вместе с тем, стремясь доказать эту точку зрения, Кареев, как мне кажется, бросается в другую крайность, соглашаясь считать роялистами лишь сторонников восстановления Старого порядка в полном объеме, каковыми были далеко не все эмигранты и каковым не был даже сам Людовик XVIII:

«Что значило в то время принадлежать к роялистическому лагерю? Это значило желать возвращения не только Бурбонов, но и эмигрантов, возвращения им их привилегий и имуществ, проданных в другие руки, возвращения и церковных имений, желать наказать всех, кто только принимал какое-либо участие в событиях революции, вознаграждения частями французской территории иностранных государств, помогавших реставрации Бурбонов»⁶⁶.

Этот образ (и здесь Кареев абсолютно прав) действительно рисовали с трибуны Конвента, однако всякая попытка принять его за чистую монету и попытаться распространить на всех сторонников монархии видится мне ошибочной. Ведь тем самым решительно сбрасываются со счетов не только конституционные монархисты (которым в историографии XX века, в отличие от историографии века XIX⁶⁷, чаще всего и приписывается организация мятежа), но и тысячи людей по всей Франции, имевших более или менее осознанное желание вернуться к монархии и идеализировавших былые времена стабильности, покоя и процветания.

⁶⁴ Кареев Н.И. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора II года. По архивным источникам. СПб., 1915.

⁶⁵ Там же. С. 59.

⁶⁶ Там же. С. 57.

⁶⁷ Подробный обзор историографии XIX в. по этому сюжету см. в: Кареев Н.И. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора II года.

Вторым и последним отечественным историком, специально уделившим внимание восстанию 13 вандемьера, был К.П. Добролюбский, автор ряда работ о Термидоре. Полагая, что Н.И. Кареев принял «неудачную попытку пересмотра вопроса о роялистском характере вандемьерского мятежа»⁶⁸, Добролюбский вновь вернулся к традиционной интерпретации восстания. По большому счету, его обширная статья является синопсисом книги А. Зиви с добавлением множества других свидетельств историков и современников, которые можно было собрать, работая в советских библиотеках. Автор приводит их одно за другим, хотя, по сути, они распадаются на три части: тех, кто не сомневался, что мятеж организовали роялисты, тех, кто подозревал, что сторонники монархии могли бы им воспользоваться, и тех, кто «не признал позднее, что мятеж 13 вандемьера угрожал республике»⁶⁹.

Среди множества приведенных Добролюбским свидетельств, особенно любопытным мне показалось следующее:

«Одна из лево-республиканских газет находила следующие убедительные доказательства роялистских замыслов секции⁷⁰: цвета лилии, вышитые на отворотах рукавов и впереди на рубашках у убитых мятежников, маленькие белые ротные значки в стволе их ружей; многие имели банты из белых лент на своих саблях и шпагах. В числе мертвых признали людей грубо одетых, но с очень тонкими чертами и с вышитыми на одежде цветами лилии. [...] В бумагах секции Лепелетье нашли образец циркуляра к департаментам, где во имя короля требовалась помощь людьми и припасами. Другая газета передавала о слухах, что в зале заседаний секции Лепелетье нашли белое знамя и переписку с врагами отечества»⁷¹.

Похоже, словосочетание «убедительные доказательства» автор употребляет без тени иронии, однако мне видится, что это «свидетельство» весьма показательно совсем в ином плане: здесь мы встречаемся с хорошо знакомыми по другим революционным событиям самозародившимися или намеренно распускаемыми слухами⁷². Трудно не заметить, скажем, явной параллели со слухами, гулявшими по парижским улицам после 9 термидора – о том, что Робеспьер хотел жениться на дочери Людовика XVI, что в Ратуше была захвачена (и даже продемонстри-

⁶⁸ Добролюбский К. Вандемьерский мятеж (1795 г.) // Труды Одесского государственного университета. История. Одесса, 1939. Т. 1. С. 186.

⁶⁹ Там же. С. 182.

⁷⁰ Скорее всего, имеется в виду секция Лепелетье.

⁷¹ Добролюбский К. Указ. соч. С. 178.

⁷² О других слухах, ходивших в Париже в начале осени 1795 г., см.: Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. С. 250-251.

рована Конвенту) печать с цветком лилии, что Робеспьер пользовался чехлом от пистолета опять же с изображением лилии и с надписью: «Великому монарху», что его сторонники обещали республиканцам «нового короля» и т.д.⁷³

Подводя итог этому историографическому экскурсу, можно отметить, что интерпретация мятежа 13 вандемьера как роялистского является в историографии доминирующей, однако при этом среди историков нет согласия ни в том, к какому течению внутри роялизма принадлежали эти сторонники возвращения королевской власти, ни за что именно они выступали, ни какова была степень их влияния на подготовку восстания. Различные работы явно не стыкуются друг с другом: по крайней мере, трудно представить себе, чтобы роялисты, столь тщательно скрывавшие свое участие в организации мятежа, вдруг решили украсить себя соответствующей символикой, да и едва ли такое потрясающее доказательство роялистских симпатий мятежников не было бы упомянуто в докладах, сделанных в Конвенте в ходе и после подавления восстания. Лишь А. Зиви пытался каким-то образом доказать постулат о роялистском характере движения, однако его характеристика роялистов, которые «отнюдь не были контрреволюционерами», вызывает больше вопросов, чем ответов.

С другой стороны, аргументы Н.И. Кареева представляются мне весьма убедительными. Мне удалось найти в историографии лишь две попытки их опровергнуть. Первым это попробовал сделать К.П. Добролюбский, однако его мысль о том, что «для определения характера движения важны не столько субъективные заявления самих участников движения, сколько объективное значение мятежа»⁷⁴ переводит, на мой взгляд, спор исключительно в плоскость интерпретаций, делая его тем самым бессмысленным. Вторая реплика принадлежит В.М. Далину, заметившему, что «монархические элементы в отдельных случаях могли даже, успешно маскируясь, поднимать на борьбу против термидорианцев население некоторых демократических секций» – именно это обстоятельство, по его мнению, и ввело в заблуждение Н.И. Кареева⁷⁵. Однако «успешная маскировка» опять же не позволяет этих роялистов выявить, а на чем Далин основывал свое мнение, он, к сожалению, никак не пояснил.

* * *

⁷³ Бачко Б. Указ. соч. Гл. 1. Робеспьер-король...

⁷⁴ Добролюбский К. Указ. соч. С. 186.

⁷⁵ Далин В.М. Марк-Антуан Жюльен после 9 термидора // Далин В.М. Люди и идеи. М., 1970. С. 46-47.

Как хорошо известно, с первых же месяцев Революции огромное влияние на формирование общественного мнения и на восприятие политических событий рядовыми французами стали оказывать пресса и памфлеты, широко расходившиеся по стране. Во времена диктатуры монтаньяров, когда была уничтожена свобода печати, этот процесс претерпел характерную пертурбацию: граждане быстро усвоили, что точка зрения, исходящая от властей (и, в частности, от Конвента) является единственно правильной, а воспроизведение ее свидетельствует о политической благонадежности. Свою роль сыграли и стремительные изменения в оценке тех или иных лидеров – вчерашний народный трибун мог, как Дантон, в одночасье оказаться изменником и предателем. «Люди прекрасно поняли, – отмечает Б. Бачко, – насколько опасно высказывать сомнение по поводу разоблаченных в Париже “заговоров”; элементарная осторожность требовала от них встать на сторону победителей. Монополия на информацию и господство центральной власти над общественным мнением оставляли им весьма узкое поле для самовыражения – выпрещенную риторику, восхваления и обличения»⁷⁶.

В этом ракурсе особый интерес для нас представляет сформулированная в Конvente официальная точка зрения на восстание 13 вандемьера, поскольку именно она должна была неминуемо наложить свой отпечаток на восприятие событий современниками. По публикациям того времени заметно, что, хотя на протяжении всего 1795 г. в Конvente не переставали говорить об опасности, угрожающей республике со стороны приверженцев восстановления монархии, изначально в ходе конфликта между секциями и депутатами Конвент, как мне видится, колебался, как именно оценить недовольство парижан: было очевидно, что противостоять представителям народа могут лишь враги народа, но какие враги? Роялисты или «террористы»?

Как это не парадоксально, первое время активно использовались оба ярлыка. Так, например, 11 фрюктидора (28 августа) оратор секции Майль говорил у решетки Конвента: «Если требуешь, чтобы притеснители родины предстали перед судом, слышатся обвинения в стремлении восстановить новый терроризм»⁷⁷. Если не позволяешь некоторым навязчивым памфлетистам себя дурачить, они называют тебя роялистом». В

⁷⁶ Бачко Б. Указ. соч. С. 70.

⁷⁷ Эта тема, очевидно, выходит за рамки сюжета данной статьи, но, тем не менее, представляется мне весьма любопытной. В отношении к «террористам» Конвент был расколот еще летом 1794 г., и за год в этом плане мало что изменилось: некоторым депутатам казалось, что ставка на поддержку санкюлотов подразумевает реабилитацию режима Робеспьера и дает возможность его бывшим сторонникам избежать расплаты, а то и напрямую ведет к возрождению режима Террора.

ответ же председатель Конвента лишь вновь напомнил, что депутаты восторжествовали и над роялизмом, и над анархией⁷⁸, тогда как А.К. Тибодо посоветовал парижанам подождать голосования по Конституции и не докучать Конвенту, а свободно выразить свое мнение в первичных собраниях⁷⁹.

Активно возрождался и характерный для времен Жиронды анти-парижский дискурс: членам секций раз за разом повторяли, что столица не имеет права выступать от имени всей Франции⁸⁰. Небезынтересно при этом, что у депутатов не вызывал ни малейшего удивления тот факт, что секции, считавшиеся в 1793 г. оплотом санкюлотов, в одночасье стали восприниматься как прибежище роялистов. «Вожаки секций могут перерезать мне горло в эпоху 30 фрюктидора точно так же, как они объявили меня вне закона после 31 мая, – провозгласил 27 фрюктидора (13 сентября) Л.М. Ларевельер-Лепо, вынужденный покинуть Конвент во времена диктатуры монтаньяров. – Однако я заявляю, что не боюсь ныне угроз неистового роялизма точно так же, как 31 мая я не боялся воплей исступленной анархии». Уподобляя одно движение против Конвента другому, он отмечал, что действия мятежников и интриганов осенью 1795 г., и весной 1793 г. ничем не отличаются друг от друга⁸¹.

Вместе с тем, уже в это время отдельные депутаты Конвента явно стремились перейти от обороны к наступлению. 28 августа в ответ на претензии секций Ж.Л. Тальен обрушился на петиционеров с усыпанной бранью речью⁸². Смысл ее заключался в том, что против Конвента злоумышляют люди, которые заседали когда-то в Законодательном собрании – они хотят восстановить монархию, но не переживут возвращения «ни кровавого терроризма, ни одиозного роялизма». Иными словами, он полагал, что Конвенту противостоят конституционные монархисты (и в частности, Лакретель-младший, который выступал в тот день от имени секции Елисейских Полей).

Постепенно обвинения секций в роялизме начинают превалировать. Однако, поскольку между депутатами не было согласия, какие именно сторонники королевской власти осмеливаются перечить национальному представительству, выступавшие нередко прибегали к максимально абстрактным ярлыкам для своих противников – «недоброжелатели,

⁷⁸ «Анархистами», «террористами», «людьми 1793 года» тогда называли сторонников диктатуры монтаньяров.

⁷⁹ *Moniteur*. Vol. 25. P. 607, 611, 612.

⁸⁰ См., например: Thibaudeau, le 11 fructidor. – *Ibid.* Vol. 25. P. 612.

⁸¹ *Ibid.* P. 735.

⁸² *Ibid.* P. 611.

интриганы»⁸³ – никак не конкретизируя их политическую ориентацию. В конце концов, общим местом становится мысль о том, что в Париже действуют «роялисты и агенты заграницы»⁸⁴, а к 19 сентября в Конвенте уже начинают раздаваться голоса о том, что все происходящее – результат обширного заговора, направляемого из-за рубежа:

«Посмотрите на географическое расположение Шартра, волнения в Вернее, в Шатонефе, в Ножане и их окрестностях; обратите внимание на близость этих городов к районам, опустошаемым шуанами и намеченным в качестве места сбора для сил под командованием д'Артуа, и на то, что Англия готовится изрыгнуть на наши побережья, – и вы убедитесь, что эти вероломные люди хотят, чтобы Париж оказался в Вандее или же Вандея в Париже»⁸⁵.

В то же время, несмотря на непрестанно звучавшие с трибуны Конвента обвинения членов секций в роялизме, депутаты не стремились их повторять в своих обращениях к жителям Парижа, что может говорить как о том, что эти взгляды еще не стали магистральной точкой зрения, так и о стремлении не раздражать лишним раз население столицы. «Парижане, – говорилось в обращении Конвента от 3 вандемьера (25 сентября), – чувствуете ли вы, что кинжалы интриганов, подстрекателей, анархистов и убийц вовлекают вас в бездну гражданской войны?» – о роялистах здесь ни слова⁸⁶. Вечером 12 вандемьера (4 октября) в новом призыве Конвента по-прежнему прослеживается очень четкое противопоставление: на одной стороне – «все республиканцы», «друзья свободы, друзья закона, конституции и мира», «воины-граждане и граждане-воины» или, на худой конец, «люди, введенные в заблуждение», а на другой – «порочные честолюбцы», «горстка роялистов-заговорщиков»⁸⁷.

Именно горстка – депутаты постоянно стремились подчеркнуть, что Конвент вступил в конфликт отнюдь не с секциями, а с небольшой кучкой недовольных, пытающихся натравить граждан на правительство. Особенно ясно это прозвучало в заслужившей аплодисменты реплике Л. Лежандра 22 фрюктидора (8 сентября):

⁸³ См., например: Delaunay, 21 fructidor. – *Moniteur*. Vol. 25. P. 694.

⁸⁴ Bailleul, le 12 fructidor. – *Ibid.* P. 615.

⁸⁵ Tallien, le 3e jour complémentaire. – *Ibid.* Vol. 26. P. 3.

⁸⁶ О них говорится лишь в последней фразе: если Конвент погибнет, то, несмотря на то, что это будет делом рук «подлых роялистов», Франция потребует у парижан отчета, как они это допустили (*Ibid.* Vol. 26. P. 53). Однако и такое, довольно умеренное обращение, вызвало возмущение в ряде секций (*Aulard A. Paris pendant la Réaction thermidorienne et sous le Directoire*. P. , 1899. Vol. 2. P. 275-276).

⁸⁷ *Moniteur*. Vol. 26. P. 117-118.

«Взяв слово, я хочу обратиться отнюдь не к первичным собраниям, не к множеству честных людей, уважаемых торговцев, почтенных работников, которые их составляют, но к апостолам роялизма, которые поддерживают ажиотаж, к интриганам, которые направляют собрания»⁸⁸.

На мой взгляд, противопоставление «роялисты» – «республиканцы» окончательно складывается к 11-12 вандемьера, когда депутаты принимают решение опереться на санкюлотов⁸⁹. Его основные контуры были уже намечены в докладе от имени Комитета общественного спасения, произнесенном 11 вандемьера одним из главных творцов Конституции III года, П.К.Ф. Дону. По его словам, суть нынешнего кризиса – в необходимости совершить выбор между монархией и республикой. Осознавая это, «внутренние и внешние враги французской свободы» объединили свои усилия, чтобы вернуть «наследственный деспотизм». В то же время, даже в недрах восставших секций «подавляющее большинство жителей остается не затронутыми этим (*incorruptibles*)»⁹⁰.

После подавления восстания к описанию мятежа были добавлены новые краски. В обращении, принятом Конвентом в ночь с 13 на 14 вандемьера, говорилось о раскрытии «одного из самых обширных заговоров» в истории Революции, который давно уже готовился роялистами. Хотя по-прежнему утверждалось, что «несколько одержимых интриганов обманули легковверные массы» (и поставили в свои ряды почти тридцать тысяч человек), восставшие именовались «приспешниками Людовика XVIII»⁹¹. Если верить депутатам, заговор был весьма разветвленным, нити его уходили в департаменты, где роялисты надеялись последовать примеру своих сторонников в столице⁹², и тянулись далее в Лондон⁹³.

В предварительном виде официальная точка зрения была оглашена вечером 14 вандемьера в докладе Ф.А. Мерлена (из Дуэ) от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности⁹⁴. В нем

⁸⁸ Ibid. Vol. 25. P. 700.

⁸⁹ Ставка оказалась удачной. См., например, пассаж из *Moniteur*, рассказывающий о событиях утра 13 вандемьера: «Фрерон вернулся из Антуанского предместья; его жители при одном только упоминании о роялистах поклялись изничтожить этих трусливых врагов отечества». – Ibid. Vol. 26. P. 119.

⁹⁰ Ibid. P. 123-126.

⁹¹ Ibid. P. 133-134.

⁹² Barras, le 14 vendémiaire. – Ibid. P. 134-135.

⁹³ Letourneur (de la Manche), au nom du Comité de Salut public, le 14 vendémiaire. – Ibid. P. 137.

⁹⁴ Ibid. P. 140-144.

было торжественно объявлено о «блестящей победе, только что одержанной республикой над объединенными роялизмом и анархией»⁹⁵. Далее говорилось про большое количество первичных собраний Парижа, «в которых разнuzданные роялисты, священники, не признающие закон, и приговоренные по этой причине к депортации, и даже эмигранты дерзостью и коварством приобрели влияние, ставшее, в известном смысле, непреодолимым».

После доклада Мерлена за распространение официальной точки зрения взялся уже Комитет общественного спасения. Так, например, в его письме, отправленном 16 вандемьера (8 октября) представителям народа при армиях Республики, отмечалось, что «роялизм и анархия – в равной степени враги общественного порядка», и утверждалось: «Даже в самом сердце Парижа роялисты и шуаны развязали гражданскую войну»⁹⁶.

И, наконец, свою окончательную форму позиция Конвента приобрела 30 вандемьера (22 октября) в докладе Барраса⁹⁷, в котором подробно освещался ход вооруженного противостояния между властями и мятежниками. К нарисованной Мерленом картине роялистского заговора Баррас добавил лишь три штриха. Поскольку незадолго до выступления Барраса был арестован член Парижского агентства П.Ж. Лемэтр, состоявший в переписке с графом д'Антрэгом, и перехвачена его корреспонденция, опубликованная впоследствии по распоряжению Конвента⁹⁸, Баррасу показалось удобным связать предшествовавший 13 вандемьера «заговор» с деятельностью Лемэтра и заявить, что «заговорщики» состояли в переписке с «австрийским комитетом в Базеле», а также «с английскими агентами в Вандее» и с принцем Конде. Однако, как убедительно показал Митчелл в упомянутой выше

⁹⁵ М. Делеплас, специально занимавшийся эволюцией понятия «анархия» в годы Революции, полагал, что оно в равной мере ассоциировалось и с роялизмом, и с политической практикой II года Республики (*Deleplace M. La notion d'anarchie pendant la Révolution française (1789–1901). Formation d'un concept. Thèse de Doctorat de l'Université de Paris I. P., s.d. P. 318–322.*)

⁹⁶ *Recueil des Actes du Comité de Salut public. Publié par F.-A. Aulard. P., 1951. Vol. 28. P. 737.* См. также: *Baudin P.-C.-L. Declaration sur les motifs d'après lesquels a été proposée, et les circonstances dans lesquels a été décrétée par la Convention la loi d'amnistie du 4 brumaire de l'an IV, dont il a été le rapporteur. P., s.d. P. 3; Recit fidele des terribles évènements arrivés dans la commune de Paris, dans les journées du 13, 14 et 15 Vendémiaire. P., s. d. P. 3.*

⁹⁷ *Moniteur. Vol. 26. P. 277–280, 281–282.*

⁹⁸ *Recueil de la correspondance saisie chez Lemaître, et dont la Convention a ordonné l'impression. Paris, De l'imprimerie de la République. Brumaire, an IV.* Чтение этой книги должно было создать у читателя впечатление, что, если 13 вандемьера и не организовано роялистами от начала до конца, то, по крайней мере, весьма и весьма для них благоприятно.

статье, планы Лемэтра, видимо, существовали только в голове самого агента – никакими доказательствами их реализации ни современники, ни историки не располагали⁹⁹.

Помимо этого, Баррас обмолвился, что в захваченной штаб-квартире секции Лепелетье найдены «символы королевской власти», однако сами эти символы представлены Конвенту не были и никаких уточнений не последовало. Да и указанной штаб-квартирой войска овладели уже после того, как ее покинули мятежники, имевшие достаточно времени вынести оттуда все, что их компрометировало, и было бы странно, если бы они этого не сделали. Рискну предположить, что Баррас в данном случае пошел по тому же пути, по которому пошли депутаты после 9 термидора, чтобы скомпрометировать Робеспьера. Однако на сей раз доказательств не потребовалось, поскольку в итоге было решено не омрачать репрессиями последние дни работы Конвента, хотя Баррас фактически именно к этому и призывал. «Я слышал, что восставшие разоружены, – отмечал он, – однако их сторонники, их сообщники, их бесстыжие покровители все еще могущественны». Вместе с тем, очевидно, существовала и расширенная версия этой трактовки событий, со всеми дополнительными подробностями, – она была запущена в прессу и именно на нее ссылается в своей работе Добролюбский¹⁰⁰.

И, наконец, третий штрих, которым украсил Баррас свой рассказ о мятеже, – оглашенный им «договор тиранов, заключенный в Париже и ратифицированный в Базеле» (разумеется, без уточнений о том, кто и как его заключал, что, вкупе с содержанием, не может не вызывать сомнений в его подлинности). В этом небольшом документе оказались собраны едва ли не все положения, способные скомпрометировать в глазах французов саму идею реставрации монархии. «Договор» предусматривал отторжение у Франции всех территорий, завоеванных в ходе революционных войн, «объявление всеобщего банкротства, из которого исключались иностранцы и верные французы», возвращение эмигрантов и восстановление их «имуществ, титулов, прав, привилегий», осуждение членов «патриотических партий» во всех революционных парламентах, смертная казнь для цареубийц и т.д.

⁹⁹ Mitchell H. Op. cit. P. 197-198.

¹⁰⁰ Можно найти и другие ее следы. Так, например, в *Journal du bonhomme Richard* от 17 вандемьера можно прочесть: «Говорят, что в зале заседаний секции Лепелетье обнаружили белое знамя и переписку с врагами отечества. Очевидцы утверждают, что видели карты в форме восьмиугольника, которые предполагалось распространить, и на них было написано имя Людовика XVIII». – Aulard A. Op. cit. P. 304.

Чем же – помимо решения сугубо политических задач – руководствовались депутаты, обвиняя членов парижских секций в роялизме? На мой взгляд, основную роль здесь сыграли три фактора.

Первый – «кто не с нами, тот против нас». Откровеннее всего, это, пожалуй, прозвучало в реплике депутата П.А. Гарро вечером 13 вандемьера:

«В течение четверти часа я был пленником мятежников; я видел среди них множество заблудших граждан, которые кричали: “Долой террористов!” Но я также видел и роялистов, которые кричали: “Долой две трети! Долой Конвент!” Иными словами, тот, кто не желает представительного правления, желает короля»¹⁰¹.

Вторым фактором стало ощущение депутатов, что Париж переполнен эмигрантами, неприсягнувшими священниками, бывшими дворянами. 5 вандемьера (27 сентября) некий эмигрант был опознан и задержан прямо среди граждан, пришедших в Конвент с петициями (правда, Тальен признал в нем бывшего офицера Бургундского полка, а Баррас – Аквитанского)¹⁰². Как соотносилось это ощущение с реальностью, ныне ответить, разумеется, не просто, однако замечу, что в докладах полицейских агентов этот мотив практически не звучит: и эмигранты, и противники Республики в Париже, естественно, были, однако полиция ничего не сообщала о какой-либо их особой активности или повышенной концентрации.

И, наконец, с трибуны Конвента прозвучало одно-единственное свидетельство недвусмысленной приверженности к монархии одного из восставших, принадлежавшее священнику-расстриге П. Паганелю: «Я встретил одного из мятежников на лошади; к эфесу его шпаги было прикреплено белое знамя длиной в полтора фута»¹⁰³. Нет оснований ему не доверять, удивляет лишь одно: почему ни в официальных докладах, ни у других депутатов, сражавшихся с мятежниками, нет более ни единого упоминания о столь явной принадлежности восставших к роялистам – ведь эти факты только сыграли бы на руку Конвенту?

Помимо этого свидетельства, в выступлениях депутатов можно без труда увидеть и многие иные мотивы, которые «прорастут» позднее в историографии – например, утверждения о том, что противники Республики голосовали за Конституцию, чтобы потом победить на

¹⁰¹ Moniteur. Vol. 26. P. 133.

¹⁰² Ibid. P. 67.

¹⁰³ Paganel, le 13 vendémiaire. – Ibid. P. 133.

выборах и ее отменить¹⁰⁴, что журналисты, выступавшие против Конвента, сплошь были роялистами¹⁰⁵, а Париж был наводнен шуанами и эмигрантами¹⁰⁶. И хотя в Конvente все же возобладал взгляд на восстание 13 вандемьера как на плод обширного международного роялистского заговора, невольно обращает на себя внимание крайняя лаконичность ораторов в отношении деталей и доказательств этого заговора. По сути, за редким исключением, их не приводится вовсе. Обратимся к другим источникам.

* * *

Круг источников, привлеченных Н.И. Кареевым, значительно уступает использованному в работе А. Зиви, что невольно вызывает вопрос: неужели этих документов достаточно для столь уверенного отрицания русским историком роялистского характера восстания 13 вандемьера? Однако, как ни парадоксально, расширение этого круга – например, за счет, прессы, памфлетов, писем и мемуаров современников – не дает никакой определенности.

И дело даже не в том, что роялисты, как считал Зиви, умело скрывали свои намерения, а в том, что при всем желании эти тексты невозможно свести к единому знаменателю (или хотя бы к нескольким общим знаменателям). При этом нередко точка зрения современников менялась в зависимости от официальной позиции Конвента. Так, например, офицер, находившийся в Париже в отпуске, писал 7 вандемьера своему генералу, что секции однозначно выступают не за новую форму правления, а за республику и новый парламент¹⁰⁷. Содержание письма того же автора от 15 вандемьера уже несколько иное: «невозможно поверить в существование какой-либо факции или в результат какого-либо заговора», однако, отмечал при этом офицер, «я знаю, что многие роялисты хотели изменить форму правления, и что они присоединились к взбалмошным людям, совершившим восстание»¹⁰⁸.

Если проанализировать прессу до оглашения официальной версии причин мятежа, то наличие у журналистов повышенного интереса к событиям за границей, в штабах роялистов, в королевской семье несомненно. Однако едва ли можно на этом основании записывать их в скрытые роялисты, как это делает ряд авторов. Ведь тогда получится,

¹⁰⁴ Tallien, le 3e jour complémentaire. – Ibid. Vol. 26. P. 3.

¹⁰⁵ Lecomte, le 3 vendémiaire. – Ibid. P. 54.

¹⁰⁶ Talot, le 5 vendémiaire. – Ibid. P. 68.

¹⁰⁷ Цит. по: Zivy H. Op. cit. P. 124.

¹⁰⁸ Ibid. P. 125, 126.

что промонархическую линию проводил даже *Moniteur*, публиковавший, к примеру, заметки о жизни Бурбонов¹⁰⁹. В прессе, несомненно, встречались упоминания о роялистской активности в Париже и в стране, однако их частота, на мой взгляд, была ничуть не выше, нежели в предыдущие месяцы. Во второй половине октября картина уже иная, однако, как мне видится, большинство изданий действовало по схеме, многократно проверенной в ходе Революции: придерживаться обозначенной победителями линии и не затрундять себе жизнь поисками дополнительных доказательств.

Иными словами, как после 9 термидора вслед за Конвентом журналисты охотно повторяли, что Робеспьер – «омерзительное чудовище» и лишь с его смертью Республика оказалась спасена¹¹⁰, так и осенью 1795 г. они принялись тиражировать официальную версию о предотвращении роялистского заговора. Причем, восстание нередко интерпретировалось как плод *объединенных усилий* всех роялистов, и немалая роль в мятеже приписывалась именно за границе (что, как мы видели, однозначно противоречит современным исследованиям по этому сюжету):

«Пусть Англия, которая, возможно, сейчас радуется тому, что развязала гражданскую войну и уничтожила Конвент, вкусит позор за продолжительное нарушение ею прав человечества. Сожалея, без сомнения, о золоте, которое столь тщетно расточала, она, потерпев поражение, будет радоваться крови, пролитой 13 вандемьера, поскольку это кровь французов»¹¹¹.

Другая характерная черта подобных газет – стремление показать, что роялисты стремились поднять весь Париж против Конвента, однако, на самом деле, сторонников монархии среди граждан – считанные единицы:

«Вот к чему привели интриги двух или трех отверженных в [каждой] секции! И что же! Пусть кровь стольких граждан, введенных ими в заблуждение, падет на их преступные головы. Это они – и только они – обесчестили и залили кровью Париж»¹¹².

Нетрудно заметить, что этот пассаж полностью соответствует положениям докладов Мерлена (из Дуэ) и Барраса, но никак не проясняет

¹⁰⁹ См., например: *Moniteur*. Vol. 25. P. 601.

¹¹⁰ *Бачко Б.* Указ. соч. С. 64 и след.

¹¹¹ Ch.-J. Trouvé, главный редактор. – *Moniteur*. Vol. 26. P. 130.

¹¹² *Ibid.*

вопрос о том, каким образом «двое или трое отверженных» смогли добиться отклонения декретов первичными собраниями.

Если же посмотреть те издания, авторы которых обещали привести собственные свидетельства роялистского характера мятежа, то мы увидим, что за исключением нескольких экзотических «фактов», подобных приведенному Добролюбским рассказу о роялистской символике на одежде мятежников, таковых доказательств просто нет. Хорошим примером здесь может послужить № 34 газеты «Трибун народа» Гракха Бабефа¹¹³, чьи республиканские симпатии едва ли могут вызвать сомнения.

Бабеф обещает рассказать, «что на самом деле означали события 13 вандемьера» и подтвердить свой рассказ документами. С его точки зрения, «бараноподобная часть Конвента помогла вырыть ту страшную пропасть, в которую свободная Франция пала, где она томится и блуждает начиная с 9 термидора». Антинародная политика многих, если не большинства, депутатов не вызывает у него ни симпатий, ни сомнений. Именно она привела Францию на край пропасти, именно благодаря ей едва не был реализован план «народа богачей», ставившего своей целью «добиться бесповоротного закрепления рабства французского народа». «Народ богачей» однозначно приравнивается Бабефом к сторонникам восстановления монархии, хотя резоны этого утверждения не приводятся¹¹⁴.

«Документы», на которые опирается Бабеф, – это преимущественно выдержки из прессы и материалы Конвента, однако те тезисы, которые пытается обосновать ими автор, вызывают немало сомнений. Так, например, он утверждает, что роялисты вели целенаправленную кампанию по дискредитации Конвента – но как тогда следует оценивать постоянно звучавшую со страниц его собственной газеты нелицеприятную критику депутатов? Бабеф называет тех, кто выступал против Конституции III года, роялистами – однако и сам он не раз высказывался против содержащихся в ней «убийственных для народа мерзостей»¹¹⁵. К тому же о каком именно восстановлении монархии идет речь? Бабеф заявляет: «близится момент, когда будет торжественно провозглашено восстановление французской монархии, а вместе с

¹¹³ 15 брюмера IV года (6 ноября 1795 г.). – *Бабеф Г.* Сочинения. М., 1977. Т. 3. С. 432-476.

¹¹⁴ Здесь Бабеф, несомненно, отличается от многих других публицистов той эпохи. Социально-экономическая проблематика для него приоритетна, Революция видится им прежде всего как «открытая война между патрициями и плебеями, между богатыми и бедными» (Там же. С. 440).

¹¹⁵ *Бабеф Г.* Второе обращение к inferнальной армии и санкюлотам Арраса // Там же. С. 422.

ней будет восстановлено прежнее деление на сословия и весь старый режим в целом»; причем, «Людовик XVIII или XVIII будет обязан своей драгоценной короной исключительно благородным усилиям его славных рыцарей». Однако что дало автору основание полагать, будто 13 вандемьера должно было завершиться восстановлением Старого порядка, он деликатно умалчивает. Иными словами, те «доказательства», которые приводит Бабеф, на деле оборачиваются исключительно его интерпретацией газетной и памфлетной кампании вокруг принятия Конституции и декретов о двух третях.

Если обратиться к воспоминаниям депутатов Конвента, то там восстание 13 вандемьера также нередко признается роялистским, однако при этом порой к рассказу добавляются такие детали, которые заставляют усомниться в твердости памяти или искренности авторов. Если верить, к примеру, Тибодо, то «до последнего момента волнения не выходили за пределы секций; [...] народ предавался обычным трудам и не принимал никакого участия в этих дискуссиях». Но кто же тогда дискутировал на улицах города (в донесениях полиции есть тому немало свидетельств), если не народ? И реакцию секций на вооружение «террористов» действительно сложно понять, если считать, что «правительственные комитеты дали оружие всего нескольким людям»¹¹⁶ – как пишет сам Тибодо на следующей странице, таких людей было полторы тысячи, то есть четверть или даже больше от того числа, которое оказалось в распоряжении Конвента в день восстания. Другой депутат, монтаньяр М.-А. Бодо, упоминая в своих заметках о мятеже, выражал уверенность, что «Людовик XVIII должен был лучше, чем кто-либо еще, быть посвящен в тайну секций 13 вандемьера»¹¹⁷, однако это полностью противоречит имеющейся у историков информации. Баррас же «вспоминал», что в парижские первичные собрания «устремилась все эмигранты в надежде свергнуть Республику»¹¹⁸ – словно в работе первичных собраний мог принять участие любой человек со стороны.

Воспоминаниям депутатов, считавших мятеж 13 вандемьера роялистским, противостоят мемуары других членов Конвента, не усматривавших в этом движении тесной (а то и вовсе никакой) связи с роялизмом. Провести здесь какую-то более или менее четкую границу в зависимости от политических взглядов не представляется мне возможным. Так, например, Р. Левассер, убежденный монтаньяр, в своем

¹¹⁶ *Thibaudeau A.-C. Mémoires sur la Convention et le Directoire. P., 1824. Vol. 1. Convention. P. 208-209.*

¹¹⁷ *Baudot M.-A. Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Genève, 1974. P. 27.*

¹¹⁸ *Barras P. Mémoires de Barras, membre de Directoire. P., 1895. Vol. 1. P. 241.*

довольно подробном рассказе о событиях 13 вандемьера¹¹⁹ (каковых он, впрочем, не был очевидцем, поскольку с апреля 1795 г. находился в тюрьме) не говорит ни слова о роялистском характере мятежа. С другой стороны, и Ж.Ж.Р. Камбасерес, которого, кстати, самого иногда обвиняли в симпатиях к монархии, считал роялизм восставших фантазией ряда членов Конвента, в том числе и входивших в правительственные Комитеты. Эти депутаты, вспоминает Камбасерес, «раздраженные оскорблениями в свой адрес [...] и убежденные, что те подсажены роялизмом, преисполнились решимости пойти на крайние меры»¹²⁰. По мнению Камбасереса, хотя сторонники монархии и участвовали в восстании, в секциях Конвенту противостояли, прежде всего, «фракционеры» и «смутьяны». Как он пишет, «секция Лепелетье всегда была очагом восстаний. В нее входили беспокойные умы, готовые взять на себя инициативу в революционных неистовствах»¹²¹.

Тот же разброс мнений мы встречаем и у других современников, хотя чем дальше они находились от Конвента, тем больше высказывалось сомнений в том, что мятеж был организован роялистами. «Роялисты вот уже несколько лет пытаются доказать, что это восстание парижан было благородным порывом в пользу Бурбонов, – писал впоследствии такой весьма осведомленный очевидец, как граф де Лавалетт, ставший в 1796 г. адъютантом Бонапарта и беседовавший к тому же со многими непосредственными участниками событий, – я утверждаю, что это не так. Действительно, в секциях было сделано несколько инсинуаций в пользу королевской семьи, но столь слабых, столь отвлеченных (*détournées*), что на них обратили мало внимания»¹²². Небезынтересно свидетельство и генерала О. Даникана, командовавшего в дни мятежа войсками секций:

«Заметьте, что крики: “Да здравствует Республика!” тысячекратно повторялись по всему городу перед дулами артиллерийских орудий, которые должны были перебить республиканцев. Однако это не помешало фракционерам нагло заявлять, что отовсюду слышались крики: “Да здравствует король!”. Таким образом, эти убогие были уверены, что вся Франция томится в ожидании королевской власти: они беспрестанно обвиняли граждан всех состояний в том, что те – бесчестные роялисты, шуаны и т.д.»¹²³.

¹¹⁹ *Levasseur R. Memoires de R.Levasseur (de la Sarthe) ex-conventionnel. P., 1989. P. 705-707.*

¹²⁰ *Cambacérés J.J.R. Mémoires inédits. P., 1999. Vol. 1. P. 346.*

¹²¹ *Ibid. P. 344.*

¹²² *Lavalette A.M., comte de. Mémoires et souvenirs du comte Lavalette. P., 1905. P. 148.*

¹²³ *Danican A. Notice sur le 13 vendémiaire ou Les parisiens vengées. S.l., 1796. P. 21.*

Далеки от единства мнений и сами роялисты – непосредственные участники и свидетели мятежа. Так, Ш. Лакретель (младший), отнюдь не стремившийся в период Империи демонстрировать свою любовь к монархии Бурбонов, вспоминал, спустя полтора десятка лет после вандемьерских событий: «Открылся такой простор для интриг, что нет сомнений в том, что агенты либо заграницы, либо принцев сыграли в них свою роль. Изначальный импульс от них не исходил, однако они уже успели во всеулышание приписать себе эту сомнительную честь; их влияние могло стать, однако тогда еще не стало, доминирующим»¹²⁴. Мемуары барона Ида де Невиля во многом шли в том же русле, хотя он ничего не писал об агентах принцев, поскольку сам был одним из них:

«Нынешние писатели [...] выдвинули идею о том, что 13 вандемьера было следствием интриг роялистов. Это утверждение самому себе противоречит; не *интригами* удалось поднять столицу, так что следует признать в этом движении решающее влияние практически единодушного общественного мнения. Я не буду заходить так далеко, но все мои современники, как и я, знают, что монархия была одним из пристанищ, к которым обращались взгляды тех, кто ощущал нужду найти лекарство от бесчисленных бед, которые едва миновали. Таким образом, не роялизм сотворил 13 вандемьера, однако он внес в него свой вклад; и по всей вероятности он воспользовался бы успехом, если бы восстание им увенчалось»¹²⁵.

Сохранившиеся документы роялистов позволяют перепроверить подобные воспоминания, однако анализ и этих источников сопряжен с множеством дополнительных трудностей. Так, например, в интересах различных промонархических групп, действовавших во Франции и поставлявших информацию двору Людовика XVIII, очевидно, было преувеличивать как собственную значимость, так и склонность Французов к восстановлению монархии – хотя бы для того, чтобы не оскудевал поток субсидий.

Так, в своей статье Х. Митчелл, ссылаясь на донесение от 12 сентября 1795 г. некоего Лемэтра, одного из агентов графа д'Антрэга, отмечал: «появлялось все больше свидетельств того, что движение в Париже было плодом деятельности странного сплава партий, включая известных *не эмигрировавших* конституционалистов, таинственным образом связанных с их сторонниками среди *эмигрантов*, из которых

¹²⁴ *Lacretelle Ch. (jeune)*. Précis historique de la Révolution française. Convention nationale. Paris, 1810. Vol. II. P. 466.

¹²⁵ *Hyde de Neuville J.G.* Mémoires et souvenirs du baron Hyde de Neuville. P., 1892. Vol. I. P. 129-130.

самыми видными были Малле дю Пан и Малуэ; умеренных, группировавшихся вокруг мадам де Сталь; некоторых членов Конвента, прежде всего, Буасси д'Англа; и даже посла в Швейцарии Бартелеми»¹²⁶. По словам Лемэтра, этот «сплав партий» пользовался поддержкой Австрии, ну а поскольку донесение должно было попасть в руки англичан, то агент подчеркивал, что, если Англия не объявит прямо о своей поддержке Людовика XVIII, результатом этого движения может стать возвращение к Конституции 1791 г.

Донесение Лемэтра вызывает двойственные чувства. С одной стороны, Малуэ действительно состоял в переписке с Буасси д'Англа¹²⁷, которого, как и Бартелеми, многие подозревали в симпатиях к монархии. С другой стороны, описание Лемэтром этого широкого и опасного союза различных политических группировок явно преследовало цели, далекие от служения истине. К тому же, в исторической литературе мне не удалось найти никаких свидетельств того, что мадам де Сталь была в это время близка с группировкой Малле дю Пана или с Буасси д'Англа, да и накануне восстания 13 вандемьера она не только не участвовала в «движении в Париже», но и, напротив, если верить свидетельству Лакретеля (впрочем, позднейшему), изо всех сил отговаривала сторонников монархии от противостояния с Конвентом¹²⁸. Одним словом, едва ли этому донесению можно безоговорочно доверять, тем более что никаких следов существования столь широкого «блока» по другим источникам не просматривается.

Помимо версии Лемэтра, можно обратиться к мнению самого Малле дю Пана, чьи источники во Франции и аналитические способности вызывали доверие сразу у нескольких европейских дворов. Свидетельства Малле должны быть тем более интересны, что, по его словам, он состоял в это время в переписке с заместителем председателя одной из парижских секций¹²⁹. Однако и Малле дю Пан в данном случае едва ли может считаться беспристрастным свидетелем, поскольку активно

¹²⁶ Mitchell H. Op. cit. P. 195-196.

¹²⁷ Более того, именно Буасси поведal позднее Малуэ о провале мятежа 13 вандемьера. – Malouet à Mallet du Pan. Londres, 4 décembre 1796 // *Malouet P.V. Mémoires de M. Malouet publiés par son petit fils le baron Malouet*. P., 1874. Vol. 2. P. 447.

¹²⁸ Добролюбовский К.П. Вандемьерский мятеж (1795 г.). С. 181. Любопытно, что в своей книге о Революции мадам де Сталь не упоминает о том, что восстание носило роялистский характер или же в нем участвовали роялисты (*Staël A.L.G. de. Considérations sur la Révolution française*. P., 1983. P. 319-320). Однако, похоже, что в то время мадам де Сталь заигрывала со всеми политическими группировками, о чем по Парижу даже ходила ироническая песенка. – *Messenger du soir du 11 vendémiaire* // *Aulard A.* Op. cit. P. 293.

¹²⁹ The Correspondence of the Right Honorable William Wickham from the Year 1794. L., 1870. Vol. 1. P. 161.

уговаривал англичан предоставить субсидии некоему комитету в Париже, состоявшему из конституционалистов и роялистов¹³⁰.

В письме от 6 сентября 1795 г. к венскому двору Малле дю Пан сообщал: «Наиболее умеренные республиканцы не сумели объединиться с конституционалистами, поскольку Жиронда, бесноватые, якобинцы упорствуют в своем противодействии этому объединению»¹³¹. Всего неделю спустя ситуация виделась им уже по-иному: «Подавляющее большинство бывших конституционалистов, патриотов 1789 года¹³², все роялисты, не верящие в вооруженную контрреволюцию, некоторое количество колеблющихся или умеренных республиканцев сформировали, организовали и направляют этот порыв против отвратительного нынешнего собрания»¹³³. Однако «этот порыв» в описывании Малле – это отнюдь не вооруженное противостояние Конвенту, а стремление быстро и четко провести выборы, объявить, что полномочия Конвента истекают 1 октября и распустить собрания выборщиков.

В отчете о восстании 13 вандемьера, отправленном 24 октября, Малле говорит о сторонниках монархии уже существенно меньше. Мятеж подается им, как «сопротивление гнету узурпаторов, запятнанных многочисленными преступлениями». Напротив, провал выступления как раз и объясняется деятельностью роялистов. В подавляющем большинстве секций, отмечает Малле дю Пан, преобладали люди мудрые, «однако секции Лепелетье и Французского театра примкнули к роялистам – скорее пылким, нежели умелым, и к прибывшим извне эмиссарам, которые раньше времени втянули секции в наступательные действия, для которых у тех еще не было достаточно сил»¹³⁴.

Между тем, складывается ощущение, что столь подробное освещение конфликта между Конвентом и секциями, вкупе с акцентированием участия в нем роялистов, оставалось уделом тех, кто имел в этих событиях личную заинтересованность. Если посол Великобритании в Швейцарии У. Уикхэм, координировавший значительную часть подрывных действий и шпионажа против революционной Франции, отчаянно стремился разобраться в том, что происходит в Париже, и готов был финансировать роялистов в надежде, что тем удастся одолеть Конвент, то один из соратников У. Питта-младшего, лорд казначейства

¹³⁰ Mitchell H. Op. cit. P. 201.

¹³¹ Correspondance inédite de Mallet du Pan avec la Cour de Vienne (1794-1798). P., 1884. Т. 1. P. 301-302.

¹³² Трудно сказать, кого имеет в виду Малле дю Пан, поскольку в официальном дискурсе так обычно называли термидорианцев – в противовес якобинцам, патриотам 1793 года.

¹³³ Correspondance inédite de Mallet du Pan... P. 305.

¹³⁴ Ibid. P. 340.

граф Морнингтон с отвращением писал в конце 1795 г. государственному секретарю по иностранным делам лорду У. Гренвиллю о «силе, которая была использована, чтобы принудить народ принять эту Конституцию, и характерах тех, кто перерезал горло народу декретами от 5 и 13 фрюктидора»¹³⁵ – о роялистах в его письме даже не упоминается. Нет упоминаний о них и в материалах, поступавших в российскую Коллегию иностранных дел: так, например, в письме непосредственного участника восстания, руководителя военной организации одной из парижских секций, переправленном в Санкт-Петербург посланником России во Франции¹³⁶ И.М. Симолиным, говорилось лишь о выступлении против тирании (*pouvoir usurpé*)¹³⁷. Мне не удалось обнаружить следов повышенного внимания к восстанию и в сохранившихся документах Людовика XVIII: лишь в одной анонимной записке кого-то из побывавших в Париже агентов говорилось о том, что «дух секций великолепен, они просвещены и поощрены писателями – друзьями порядка и Монархии»¹³⁸.

Впрочем, немало сложностей вызывает попытка выявить не только степень участия сторонников монархии в восстании 13 вандемьера, но и самих этих сторонников (например, для того, чтобы как-то классифицировать позиции мемуаристов определенной политической ориентации). Вообще, сама проблема поиска роялистов в революционном Париже представляется мне весьма увлекательной¹³⁹, но, к сожалению, зачастую не имеющей убедительного решения. Не скажу ничего нового, но поскольку роялизм – это, по сути, система взглядов, а убеждения в ходе Революции менялись со сказочной быстротой, мы можем судить о *credo* того или иного персонажа лишь по оставленным им самим свидетельствам или совершенным поступкам. И то лишь в данный конкретный момент времени, поскольку роялист образца 1791 г. легко мог стать в 1793 г. республиканцем, в 1802 г. – бонапартистом, чтобы вновь превратиться в роялиста после Реставрации (или даже не дожидаясь ее).

¹³⁵ Historical Manuscripts commission. Report on the Manuscripts of J.B. Fortescue, Esq., preserved at Dropmore. L., 1899. Vol. III. P. 149-150.

¹³⁶ К 1795 г. Симолин давно уже покинул территорию Франции, однако официально сохранил за собой пост посланника и по-прежнему отправлял петербургскому двору донесения, касающиеся положения дел в республике. Подробнее см.: Турилова С.Л., Бовыкин Д.Ю. И.М. Симолин – русский посланник в революционном Париже // Россия и Франция XVIII-XX века. М., 2001. Вып. 4.

¹³⁷ Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 93. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 518. Л. 92.

¹³⁸ Note sur les dispositions des conventionnels régicides // Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Mémoires et documents. France. 624. 1795. F. 149-149v.

¹³⁹ См.: Бовыкин Д.Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация // Французский ежегодник. 2003. М., 2003. С. 54 и след.

Соответственно, когда речь идет о политической ориентации в годы Революции, свидетельства мемуаристов (особенно, если воспоминания были опубликованы уже после Реставрации) исключительно сложно принимать на веру. В то же время, если не считать тех роялистов, которые таились в подполье и снабжали сведениями принцев или западных державы, люди, находившиеся на виду, вели себя с сугубой осторожностью, и те заслуги, которые они приписывали себе задним числом, обычно не имеют однозначного истолкования. Например, в монографии Зиви встречается такой пассаж:

«Граф де Воблан сочинил “Размышления об основах Конституции”. Хорошо известно, рассказывает он, что в этом труде я не писал о восстановлении королевской власти: это было бы поступком безумца; подобное предложение, даже высказанное косвенным образом, могло повлечь за собой много бед, но не принесло бы ничего хорошего. Однако я требовал две палаты и единого человека во главе правительства. Это было много для того времени, когда безумные революционеры еще сохраняли свою власть над большим количеством умов, и в особенности над большинством Конвента»¹⁴⁰.

Хотя Зиви и не дает точной ссылки, эта цитата из «Мемуаров» бывшего депутата Законодательного собрания графа В.М. де Воблана вполне достоверна¹⁴¹, и у нас нет оснований сомневаться в его роялизме. Де Воблан по праву считается одним из активных участников восстания 13 вандемьера; 26 вандемьера он был назван в числе его организаторов и заочно приговорен к смерти¹⁴². В то же время, двухпалатный парламент и введение поста главы государства предлагал в то время отнюдь не он один¹⁴³. Первая из этих идей, как известно, даже нашла отражение в Конституции III года, а за вторую только среди членов Комиссии одиннадцати, ответственной за разработку нового проекта Конституции, выступали трое. Неужели все они также были роялистами?

В то же время, даже участие признанных роялистов в восстании 13 вандемьера выглядит далеко не однозначным. В качестве примера здесь можно привести судьбу одного из лучших журналистов той эпохи – Ж.Т.Э. Рише де Серизи. Будучи арестован во времена диктатуры

¹⁴⁰ Zivy H. Op. cit. P. 12.

¹⁴¹ Vaublanc V.M. Mémoires sur la Révolution de France et recherches sur les causes qui ont amené la Révolution de 1789 et celles qui l'ont suivie. P., 1833. Vol. 2. P. 365-367.

¹⁴² A.N., W 557. Doss. 2. Pièces du Procès des nommés Vaublanc le Penigny absentes condamnés à mort.

¹⁴³ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. С. 149 и след., 180-181.

монтаньяров и проведя 11 месяцев в тюрьме, Рише-Серизи (как он стал писать свою фамилию) после освобождения в октябре 1794 г. начал издавать весьма популярную газету *L'Accusateur Public*, тираж отдельных выпусков которой доходил до 10 000 экземпляров¹⁴⁴. 3 вандемьера IV года (25 сентября 1795 г.) Ж.Л. Тальен обвинил его с трибуны Конвента в роялизме. Будучи выборщиком секции Лепелетье, Рише-Серизи принял активное участие в восстании, входил в его руководящие органы. И, тем не менее, после подавления восстания он трижды (!) был оправдан судами различной юрисдикции – несмотря на явное стремление властей, кассировавших один приговор за другим, добиться его осуждения.

В одном из памфлетов того времени Рише-Серизи писал:

«Вы относитесь ко мне, как к заговорщику? Но я один. Вы обвиняете меня в продажности? Но я беден, и мои писания приводят факции в отчаяние. Вы обвиняете меня в амбициозности? Пребывая в расцвете лет, я никогда не занимал должностей, так стремлюсь ли я к ним при новом правительстве? Без сомнения, когда рабы пресмыкаются перед вами, прикрывшись республиканскими ливреями, мой путь не тот, что к ним [должностям. – Д.Б.] ведет. Почему же тогда я иду на риск подвергнуться вполне предугадываемым бедам и столь очевидной опасности? О, если вы любите родину, вы найдете ответ в своих сердцах»¹⁴⁵.

* * *

Таким образом, свидетельства и современников, и авторов мемуаров противоречат друг другу, что позволяет, при желании, найти среди них подтверждение для любых, даже диаметрально противоположных точек зрения на события 13 вандемьера. Пожалуй, объединяет их лишь одно – отсутствие сколько-нибудь весомых *доказательств* роялистского характера мятежа. По сути, мы имеем дело лишь с интерпретациями, причем та их часть, в которой слышатся обвинения членов парижских секций в роялизме, явно восходит к официальной точке зрения, сформулированной по горячим следам с трибуны Национального Конвента. Между тем, обращение к документам той эпохи создает впечатление, что и сами обвинения, и контекст, в котором они были высказаны, за два века основательно подзабылись.

¹⁴⁴ *Ducoudray E. Richer de Serizy // Soboul A. Dictionnaire historique de la Révolution française. P. 909.*

¹⁴⁵ *Mémoire à consulter pour Richer Serisy, Citoyen français & Rédacteur du Journal intitulé l'Accusateur public, appellant du jugement prononcé contre lui par le Jury spécial qui déclare qu'il y a lieu à accusation pour la conduite qu'il a tenu le 13 Vendémiaire. S.l., s.d. P. 7.*

Уже на этапе обсуждения Конституции III года Республики законодатели из всех сил старались выстроить систему, которая позволила бы предотвратить угрозу как справа, так и слева – и от роялистов, и от «анархистов». Трудно сказать, какая опасность заботила депутатов больше: пожалуй, до восстаний в жерминале и прериале обе воспринимались, как равноценные, и лишь затем на первый план постепенно стала выходить угроза реставрации монархии, казавшаяся все более актуальной.

Вне зависимости от истинных намерений членов Конвента, настаивавших на принятии декретов о двух третях, роялистская опасность на протяжении всего 1795 г. отнюдь не была иллюзией¹⁴⁶. Письма в Конвент со всей страны пестрели сообщениями об интригах роялистов в первичных собраниях (тех, кто жаловался на преобладание «террористов», было значительно меньше)¹⁴⁷. Судя по всему, немало конституционных монархистов оказалось среди выборщиков и, соответственно, среди депутатов из той трети, которая выбиралась свободно¹⁴⁸. Точно также не вызывает сомнений, что немало сторонников возвращения монархии действительно поддерживало принятие Конституции в надежде победить на последовавших затем выборах.

Такова была ситуация в стране, но в какой мере ее отражением являлся Париж в дни мятежа? Как мне видится, ответить на этот вопрос позволяет капитальная работа, проделанная в свое время А. Оларом: в книге «Париж во времена термидорианской реакции и при Директории» он привел с разбивкой по дням отчеты полицейских осведомителей о настроениях горожан. Эти донесения весьма откровенны и считаются в исторической литературе заслуживающими доверия.

Как уже отмечалось, эти отчеты стали одним из главных источников для Н.И. Кареева, однако они заслуживают того, чтобы обратиться к ним вновь. И не только потому, что Кареев рассмотрел их довольно бегло, но – главное – из-за того, что, как писал Добролюбский, «в противоположность Н. Карееву Е. Тарле, на основании полицейских же донесений, правильно называет мятеж 13 вандемьера “роялистическим”»¹⁴⁹. Это побудило меня вновь просмотреть под соответствующим углом зрения все приведенные у Олара документы за период с 5 фрюктидора III года (от принятия первого декрета о двух третях) и до

¹⁴⁶ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация.

¹⁴⁷ См.: Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. Гл. VIII. Референдум и выборы 1795 года.

¹⁴⁸ Suratteau J.-R. Les élections de l'an IV // Annales historiques de la Révolution française. 1951. № 4; 1952. № 1.

¹⁴⁹ Добролюбский К. Указ. соч. С. 187.

14 вандемьера IV года (то есть, до того времени, пока в этих отчетах еще говорили о мятеже).

Донесения полиции показывают, что парижан тогда волновали вопросы снабжения города продовольствием, концентрация войск близ столицы, люди активно обсуждали Конституцию, возмущались декретами о двух третях, росло раздражение против депутатов Конвента. Однако до 18 сентября агенты полиции доносили о полном спокойствии, царившем в городе, и лишь с этого дня в отчетах появляются упоминания о том, что «умы весьма разгорячены вследствие скверных и печальных обстоятельств, в которых мы находимся»¹⁵⁰.

В полицейских донесениях можно увидеть и следы активности роялистов (или, по крайней мере, заподозрить таковую):

«Недоброжелатели распространяли слух, что один из представителей народа представлял сегодня Конституцию в военном лагере под Парижем, и что ни один солдат не захотел вместе с ним кричать: “Да здравствует Республика!”»¹⁵¹.

Есть сведения о появлении в Версале листовок, «приглашающих верных подданных Людовика XVIII, которым от его имени были обещаны прощение и защита, примкнуть к правому делу»¹⁵². В городе можно было услышать слова, явно направленные против республики (хотя сложно сказать, выражали ли они настроения граждан, или же это была целенаправленная роялистская пропаганда):

«В кафе квартала Ле Аль несколько нормандцев, торговцев маслом и яйцами, говорили, будто невозможно, чтобы Республика удержалась, что Франция слишком плохо управляется, и что большая часть департаментов против республиканского правительства»¹⁵³.

Поговаривали в столице и о разнообразных планах, направленных на реставрацию монархии. Так, например, в одном кафе полицейский агент слышал о плане роялистов победить на выборах, а потом добиться нового голосования по Конституции III года с тем, чтобы ее отвергнуть. Предлогом для повторного референдума должна была послужить невозможность открытого выражения гражданами своей воли в первичных собраниях из-за засилья террористов. Ну, а после того, как Конституция будет отвергнута, откроется дорога к восстановлению

¹⁵⁰ Aulard A. Op. cit. P. 253.

¹⁵¹ Ibid. P. 197 (26 августа 1795 г.).

¹⁵² Ibid. P. 251-252 (17 сентября).

¹⁵³ Ibid. P. 206-207 (30 августа).

королевской власти¹⁵⁴. Есть и иные донесения: «Вчера около девяти часов вечера и у ворот Сен-Мартен, и на мосту Менял группы, состоявшие из рабочих, не одобряя поведение секций, говорили, что в них доминируют роялисты»¹⁵⁵, и именно роялистам рабочие подчас приписывали выступления в секциях против декретов о двух третях¹⁵⁶. Нетрудно заметить, что слухи, как это обычно бывает, противоречили друг другу: с одной стороны, роялисты вроде бы выступали за принятие Конституции III года Республики, чтобы использовать ее далее в своих целях; с другой, – «во многих толпах [...] говорили, что роялисты прилагали немало усилий, дабы низвергнуть здание новой Конституции, однако им этого не удалось»¹⁵⁷.

Если же не касаться слухов, то, хотя ряд агентов и зафиксировал промонархические высказывания жителей Парижа, те оставались довольно спорадическими¹⁵⁸ и терялись в потоке донесений, убеждавших, что народ не ставит под сомнение республиканские ценности. С другой стороны, роялисты были отнюдь не единственными, кто активно действовал в то время в столице. Агенты доносили: «Страсти разгораются; сторонники факций мечутся из стороны в сторону; порядочные люди выжидают»¹⁵⁹; «возмутители спокойствия всех мастей, роялисты, фанатики, террористы и другие, готовятся к тому, чтобы дать полную волю страстям и чувству мести, питающим друг друга»¹⁶⁰; «недоброжелатели действуют по всем направлениям, чтобы извлечь выгоду из сложившихся обстоятельств»¹⁶¹; «говорят, что в беспорядках в Пале Эгалитэ в равной мере виноваты роялисты и террористы, чьи факции, хотя и занимают совершенно противоположные позиции, стараются, каждая на свой манер, извлечь выгоду из анархии и достичь поставленных перед собой целей, выбирая один и тот же путь»¹⁶².

Как видно из книги Олара, осведомители наблюдали и за работой первичных собраний в парижских секциях, однако, за редким

¹⁵⁴ Aulard A. Op. cit. P. 252 (17 сентября). Про другие (реальные или воображаемые планы роялистов) активно писали в это время газеты. См., например: *Le Censeur des journaux*. № 27. 23.09.95. (1 vendémiaire). P. 2; *La Sentinelle*. № 103. 12 vendémiaire (4.10.95.). P. 414. Более подробный рассказ об этом см. в: Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. С. 236-238.

¹⁵⁵ Ibid. P. 227-228 (8 сентября).

¹⁵⁶ Ibid. P. 232 (10 сентября).

¹⁵⁷ Ibid. P. 230 (9 сентября).

¹⁵⁸ См., например: Aulard A. Op. cit. P. 200 (27 августа); P. 210 (31 августа).

¹⁵⁹ Ibid. P. 218 (4 сентября).

¹⁶⁰ Ibid. P. 221 (5 сентября).

¹⁶¹ Aulard A. Op. cit. P. 225 (7 сентября).

¹⁶² Ibid. P. 273 (25 сентября).

исключением¹⁶³, никто из них не отмечал там проявлений каких бы то ни было промонархических настроений: они докладывали, что секции в общем и целом за Конституцию, и лишь декреты о двух третях воспринимаются более или менее негативно. Небезынтересно однако, что даже одна из самых упорных в своем противостоянии с властями секций – секция Лепелетье – и та допускала возможность компромисса с Конвентом и переизбрание части его депутатов в новый Законодательный корпус. Так, 18 сентября в ней обсуждался проект обращения к департаментам страны и к армиям, в котором депутатов Конвента подразделяли на три части, причем первая из них состояла из «людей порядочных, достойных переизбрания»¹⁶⁴. Более того, когда пресса воспроизводила звучавшие в Конвенте утверждения о том, что в секциях окопались роялисты, это вызывало у парижан живейшее возмущение¹⁶⁵.

Анализ полицейских донесений наглядно показывает, что атмосфера в секциях накалялась отнюдь не усилиями роялистов. Той осенью в Париже имел место целый ряд факторов, способствовавших росту социальной и политической напряженности.

Первый – все более углубляющийся продовольственный и финансовый кризис, заставлявший парижан тем сильнее волноваться, что зимой проблемы со снабжением вот уже несколько лет подряд принимали катастрофический характер. Один из известных роялистов, Л.-А. Питу, даже писал позднее: «13 вандемьера стало продолжением 2 прериала, народ требовал хлеба, смерти для биржевых игроков и отчета по государственным имуществам»¹⁶⁶.

Доклады агентов пестрят сообщениями о проблемах с продовольствием:

«Непомерная дороговизна всех товаров до крайности обременяет народ. Цены на продовольствие растут с каждой минутой; все громко возмущаются, жалуются и приходят в отчаяние оттого, что такое положение дел все длится и длится. Следствием его становится всеобщее недовольство»¹⁶⁷.

¹⁶³ Так, один из инспекторов докладывал, что в секции Единства было подано 6 голосов за короля (Ibid. P. 234, 11 сентября), однако всего в это секции голосовало более 2400 человек (Zivy H. Op. cit. P. 24).

¹⁶⁴ Aulard A. Op. cit. P. 253.

¹⁶⁵ Ibid. P. 239 (13 сентября); P. 242 (14 сентября). Впрочем, если увлекаться конспирологией, то из этого возмущения можно сделать и иной вывод: роялисты негодовали, что их планы раскрыты.

¹⁶⁶ Pitou A.-L. Les torts de la Convention envers le peuple. Les torts du peuple envers la Convention. Paris, s.d. P. 20.

¹⁶⁷ Aulard A. Op. cit. P. 242 (14 сентября). См., также, например: Ibid. P. 290 (3 октября).

Мало того, во второй половине сентября по Парижу активно ходили слухи о том, что нормы выдача хлеба вскоре будут сокращены¹⁶⁸.

По данным, приведенным Добролюбским в работе об экономике Франции при Термидоре, «в начале октября ливр [фунт – Д.Б.] хлеба стоил 30 ливров, вздорожав в 24 раза по сравнению с концом марта, при соответствующем обесценении ассигнаций в 7½ раз, и в 150 раз по сравнению с 1790 г., при обесценении ассигнаций в 50 раз»¹⁶⁹. Сходные тенденции были характерны для цен на мясо, зелень, свечи, мыло, дрова, уголь и множество других товаров, не говоря уже о тех, что доставлялись из колоний. С июля по октябрь 1795 г. курс ассигнаций, упавший почти вдвое за предыдущие четыре месяца, продолжал стремительно снижаться: «ассигнации обесценились еще почти на 60%, потеряв в общей своей стоимости 98,64 %»¹⁷⁰.

Несомненно, от роста дороговизны больше страдали жители бедных районов, но не только: обвал курса ассигнатов едва ли не в первую очередь затрагивал рантье, да и в полицейских донесениях подчеркивалось, что практически полное исчезновение доверия к Конвенту характерно для выходцев «из всех классов»¹⁷¹.

На этом фоне в Париже, как и по всей стране, давала о себе знать (не только перед выборами, но и на протяжении всего 1795 года) ностальгия по былым временам, ассоциировавшимся после стольких лет революционных бурь со стабильностью и с отсутствием проблем снабжения¹⁷². Немалое число граждан, докладывали агенты, «измученных и уставших от того, что их беспрестанно дурачат и внушают ложные надежды, позволяют себе заявлять, что при старом порядке хлеба хватало даже после плохих урожаев, тогда как ныне, при всем изобилии, не хватает всего и вся. Эти речи сопровождаются жалобами и оскорблениями нынешнего правительства»¹⁷³. И ощущение грядущих перемен (выборов, роспуска Конвента) порой сопрягалось с мечтой о возврате в «потерянный рай»: «Распространяется надежда на монархическую форму правления, со всех сторон слышатся разговоры о том, что нельзя, чтобы все оставалось, как есть, что пришло время перемен, что нельзя жить при Республике с ассигнатами, которых не принимают

¹⁶⁸ Aulard A. Op. cit. P. 257 (19 сентября); P. 260 (21 сентября); P. 263 (22 сентября).

¹⁶⁹ Добролюбский К.П. Экономическая политика термидорианской реакции. М.-Л., 1930. С. 170.

¹⁷⁰ Там же. С. 108.

¹⁷¹ Aulard A. Op. cit. P. 266 (23 сентября).

¹⁷² См., например: Ibid. P. 204 (29 августа); P. 209 (9 сентября).

¹⁷³ Ibid. P. 251 (17 сентября).

земледельцы»¹⁷⁴. Замечу, кстати, что находились и граждане, для которых таким раем была эпоха правления монтаньяров: «возле ворот Мартен одна женщина заявила, что сожалеет о временах гильотины и мечтает, чтобы та работала постоянно»¹⁷⁵.

Ностальгические воспоминания об ушедших временах сопрягались со все более возраставшей неприязнью народа к власти предержавшим. Конвент обвиняли не только в неспособности вывести страну из кризиса, но и вообще во всех смертных грехах. Его депутатов открыто называли ворами и казнокрадами, им припоминали разгул Террора, покорность «децемвирам» и даже сентябрьские убийства¹⁷⁶. Парижане отчаянно надеялись, что с роспуском Конвента ситуация начнет стремительно улучшаться.

И здесь в полной мере проявлялось действие второго фактора: в Париже царило ощущение, что результаты голосования по декретам о двух третях были беззастенчиво сфальсифицированы. В собраниях секций то и дело появлялись люди из других городов с сообщениями о том, что объявленные Конвентом цифры не соответствуют истинному положению дел¹⁷⁷. Такие сведения приходили, в частности, из Бордо и Страсбурга; говорили также, что Лион проголосовал «за» лишь благодаря десятитысячной армии, расположенной в его стенах¹⁷⁸. Как может быть, спрашивал у Конвента представитель секции Хлебного рынка, что по всей Франции против декретов проголосовало всего 95 тысяч человек, если только в отвергшем декреты Париже голосовало 75 тысяч?¹⁷⁹ В столице ходили даже слухи, что декреты отвергло три четверти департаментов¹⁸⁰.

Каков же был действительный процент фальсификаций? Ответить на этот вопрос крайне сложно, поскольку, несмотря на неоднократные просьбы представителей секций и даже требования некоторых депутатов¹⁸¹, результаты голосования по декретам в первичных собраниях так и не были опубликованы. Трудно сказать, сыграла ли здесь решающую

¹⁷⁴ Ibid. P. 209-210 (31 августа). Впрочем, в те дни в газетах можно было прочесть и иное: «Быть может, недостаток продовольствия и ожесточил несколько умы, и это не имеет никакого отношения к так называемым роялистам в секциях». – *Messenger du soir du 5 vendémiaire* // Ibid. P. 278-279.

¹⁷⁵ Ibid. P. 254 (18 сентября).

¹⁷⁶ Ibid. P. 256 (19 сентября); P. 258 (20 сентября).

¹⁷⁷ Ibid. P. 241, 242-243 (14 сентября); P. 248 (16 сентября); P. 258 (20 сентября); P. 261 (21 сентября).

¹⁷⁸ Ibid. P. 257, 258 (20 сентября); P. 262 (22 сентября).

¹⁷⁹ *Moniteur*. Vol. 26. P. 50.

¹⁸⁰ *Aulard A.* Op. cit. P. 269 (24 сентября).

¹⁸¹ См., например: *Pelet, le 1 vendémiaire* (*Moniteur*. Vol. 26. P. 32); *Lanjuinais, Boissy d'Anglas, le 4 vendémiaire* (Ibid. P. 57).

роль незаинтересованность Конвента в оглашении истинных цифр, или же его просто испугал огромный объем работы, как о том заявил 4 вандемьера Р. Корнило (*Cornillau*), входивший в Комитет по декретам¹⁸², но это, пожалуй, явилось одним из самых слабых мест в позиции Конвента, что впоследствии неоднократно толковалось не в его пользу¹⁸³.

Однако едва ли суть была именно в этом: в конце концов, результаты референдума по Конституции VIII года также были фальсифицированы, но Бонапарту это не только не помешало, а, скорее, даже помогло. Дело в другом: Конвент стремительно терял доверие граждан: многие парижане не верили, что он способен навести порядок в стране, не верили в бескорыстность депутатов, не верили даже в сообщения о победах на фронтах¹⁸⁴.

Третим негативным фактором стала угроза возвращения к временам диктатуры монтаньяров, которую все более явственно ощущали парижане, причем, особенно болезненно – жители зажиточных районов города. Чем больше Конвент выказывал готовность опереться на санкюлотов, тем более реальной выглядела эта угроза¹⁸⁵. Порой секции даже принимали постановления вновь арестовать недавно выпущенных из тюрем «террористов»¹⁸⁶. Не меньшее возмущение вызвало решение депутатов вооружить санкюлотов: так, например, секция Обсерватории приостановила исполнение этого постановления «под тем предлогом, что одни лица, о которых идет речь в этом постановлении, изобличены в грабежах и растратах, другие – в том, что стреляли из ружей в своих братьев»¹⁸⁷. Не пройдет и года, как О. Даникан напишет: «Национальный Конвент! Вновь вооружив террористов, ты узаконил наше восстание»¹⁸⁸.

Особенно часто «террористам» припоминали сентябрьские убийства 1792 г.¹⁸⁹, участников которых Конвент в те дни, как считалось, выпустил из тюрем. *Messenger du soir*, следуя своей привычке подшучивать над всем и вся, даже опубликовал 29 сентября ироничную переделку «Марсельезы»:

¹⁸² *Moniteur*. Vol. 26. P. 57.

¹⁸³ См., например анонимный памфлет: *Coup d'oeil sur la journée du 13 vendémiaire et ses suites*. Neuchastel. Juin 1796. P. 7, note.

¹⁸⁴ *Aulard A.* Op. cit. P. 259 (20 сентября).

¹⁸⁵ См., например: *Ibid.* P. 245 (15 сентября); P. 294, 295 (4 октября).

¹⁸⁶ *Ibid.* P. 265 (23 сентября); P. 275 (26 сентября).

¹⁸⁷ *Ibid.* P. 251 (17 сентября).

¹⁸⁸ *Danican A.* Op. Cit. P. 107.

¹⁸⁹ В те дни толпы санкюлотов врываются в тюрьмы, убивая содержащихся в них «контрреволюционеров», включая женщин и священников. Всего, как считается, тогда погибло около 1300 человек.

«Вперед, победители второго сентября,
Ускользнувшие из рук закона.
Хлыщи, надушенные амброй,
Вновь торжествуют.
К оружию, вот наши жертвы!
Надо поднатужиться,
Если мы хотим перебить
Всех свидетелей наших преступлений!

К кинжалам, мои друзья!
Построим эшафоты!
Покроем же, покроем французскую землю
Трупам и палачами»¹⁹⁰.

Однако многим парижанам было не до смеха: ходили слухи о возрождении Якобинского клуба и возврате Террора¹⁹¹.

И – наконец – четвертый фактор. Конвент, в известном смысле, стал заложником той революционной риторики, которая, начиная с выборов в Генеральные Штаты, постепенно меняла самооощущение народа, и того опыта, который приобрели жители Парижа в ходе восстаний 1789-1795 гг. Разговоры о народе-суверене, ощущение, что народ не всей Франции, а даже одной только ее столицы настолько всемогущ, что может в одночасье решить судьбы власти, не прошли даром. Робеспьер и его сторонники проделали огромную работу по ослаблению Коммуны и секций, однако восстания в жерминале и прериале III года Республики показали, что парижане все еще представляют собой грозную силу. И оказалось достаточно декретов о двух третях, которые трактовались как покушение на право народа свободно изъявлять свою волю, чтобы это вызвало всеобщее возмущение и желание поставить Конвент на место.

В то же время, законодатели считали, что лишь они имеют право говорить от имени всего народа Франции; Жерминаль и Прериаль ожесточили их, но не сделали осторожнее. И хотя поначалу в своих обращениях к жителям столицы депутаты были довольно умерены, их пренебрежительное отношение к приходившим в Конвент представителям секций и резкие выступления, звучавшие с трибуны Конвента, вызывали в народе живейшее возмущение: парижанам казалось, что на них клеветают перед лицом всей Франции. «Вы распространяли, развешивали повсюду самую ужасную клевету против парижан; вы лишали

¹⁹⁰ Messenger du soir du 7 vendémiaire // Aulard A. Op. cit. P. 280.

¹⁹¹ Ibid. P. 254 (18 сентября); P. 260 (20 сентября).

нас всякой возможности на нее ответить и объясниться перед департаментами, обрывая любые связи»¹⁹², – говорилось в воззвании секции Лепелетье, принятом в ответ на обращение Конвента от 3 вандемьера.

Сочетание всех этих факторов привело к тому, что и без роялистской пропаганды обстановка в Париже к концу сентября накалилась. 19 сентября в докладе полиции впервые появилось предупреждение о грядущем восстании¹⁹³, однако главной его причиной тогда назывались отнюдь не интриги роялистов, а ненависть к торговцам, земледельцам и, наконец, к правительству, которое не может положить конец перебоям в снабжении и росту дороговизны¹⁹⁴.

В то же время, можно взглянуть на эти донесения и под другим углом зрения. В многочисленных конфликтах и стычках, которые вспыхивали на улицах Парижа между сторонниками и противниками декретов о двух третях, обе стороны, естественно, использовали характерную для того времени лексику. Порой журналисты даже подтрунивали над этим:

«Парижские новости. 1 вандемьера. В Конvente говорят только о роялистах. Никогда, быть может, в этом старинном королевском дворце не было столько разговоров о королях, сколько [их ведется] с того времени, как короля в нем не осталось. И что? Я сам, с фонарем Диогена в руке, повсюду искал роялистов, но так ни одного и не встретил. Предлагаю два номера *Sentinelle*¹⁹⁵ с бесплатной доставкой тому, кто покажет мне роялиста – живого или мертвого; и четыре – тому, кто покажет мне патриота 89 года...»¹⁹⁶

Точно так же, как в 1790 г. «аристократом» могли назвать кучера, сожалевшего о Старом порядке, в 1795-м недовольные политикой Конвента именовали своих оппонентов «террористами», «анархистами» и «кровопийцами». Те же, в свою очередь, привыкнув ассоциировать Конвент с Республикой (никакого иного политического опыта у французов тогда просто не было), щедро раздавали противникам ярлыки «роялистов»¹⁹⁷, воспроизводя, на новом витке, ту же политическую

¹⁹² Réponse à la proclamation de la Convention Nationale du 4 vendémiaire an quatrième par l'assemblée primaire et permanente de la section Lepelletier. S.l., s.d. P. 2.

¹⁹³ Однако многие предвидели его еще раньше. См., например, Le Censeur des journaux. № 1. 20.08.95. (11 fructidor). P. 3: «Говорят о близящемся выступлении, о новом первом прериаля, должном помешать одобрению Конституции. Мы надеемся, что мудрость правительства сможет его предотвратить».

¹⁹⁴ Aulard A. Op. cit. P. 253 (18 сентября).

¹⁹⁵ Редактором этой газеты был убежденный республиканец, депутат Конвента и член Комиссии одиннадцати Ж.-Б. Лувэ.

¹⁹⁶ Courrier français du 2 vendémiaire // Aulard A. Op. cit. P. 267.

¹⁹⁷ Во время ссоры в Саду Равенства, доносит один из полицейских агентов, оппоненты «именовали друг друга роялистами, фанатиками, неистовыми, террористами и якобинцами». – Ibid. P. 269 (24 сентября).

традицию, в рамках которой в роялизме поочередно обвиняли Эбера, Дантона и, наконец, Робеспьера:

«С одной стороны говорили, что Конвент вдохновляется чистейшими намерениями, что он, оставаясь на посту, не имеет иной цели, кроме поддержки здания конституции, которое рухнет, если оставить его в руках людей посторонних, а, может быть, даже недоброжелательных и заинтересованных в распространении новой доктрины. Отсюда – страшные угрозы в адрес вожаков секций, которых называли фанатиками и роялистами. С другой стороны [раздавались] самые отвратительные угрозы национальному представительству; его не стеснялись обвинять во всех бедах, которые обрушились на Францию»¹⁹⁸.

Рассказывая о столкновении между «золотой молодежью» и оравшими «Марсельезу» пьяными офицерами, *Messenger du soir* сообщал, что в ответ на обвинения молодых людей в роялизме послышалось: эти роялисты единодушно проголосовали за Конституцию и не больше стремятся к королевской диктатуре, нежели к военной¹⁹⁹!

Аналогичную картину можно было видеть и на заседаниях секций:

«...Внутри ряда секций разворачивается возмутительная борьба между якобинцами и гражданами, которых те преследовали; они именуют друг друга роялистами и террористами. [...] Это столкновение мнений порождает ожесточенные споры, предвещающие и даже провоцирующие гражданскую войну»²⁰⁰.

Соответственно, если принять во внимание изложенные выше факты, то и логика событий осенних дней 1795 г. видится существенно иначе, нежели в открывавшей эту статью цитате из А. Сосуля. В действительности, брожение в секциях началось, прежде всего, из-за проблем со снабжением столицы и стремления Конвента всеми правдами и неправдами остаться у власти. Диалог с депутатами – пусть даже и на повышенных тонах – продолжался до последнего: по декрету от 1 вандемьера первичные собрания должны были разойтись 10-го, собрания выборщиков – 20-го вандемьера. Таким образом, 10 вандемьера неизбежно становилось той датой, когда секциям предстояло решить, идти ли на открытое столкновение с Конвентом. Подливали масло в огонь и выступления ряда депутатов, называвших тех, кто голосовал против декретов о двух третях, роялистами; изрядно разозлила

¹⁹⁸ Ibid. P. 255 (19 сентября).

¹⁹⁹ *Messenger du soir* du 8 vendémiaire // Ibid. P. 279.

²⁰⁰ Ibid. P. 242 (14 сентября).

парижан и угроза перенести заседания Конвента в Шалон-на-Марне и привести в боевую готовность войска в соответствии с законом от 1 жерминаля²⁰¹. Сыграло свою роль и то, что буквально накануне голосования влиятельный депутат Э.Л.А. Дюбуа-Крансе нецензурно оскорбил петиционеров – представителей секций Парижа²⁰².

Тем не менее, после прочтения полицейских донесений у меня сложилось ощущение, что к началу октября парижане уже несколько устали от разговоров, связанных с декретами о двух третях и работой первичных собраний: проблемы с продовольствием и присоединение Бельгии к Франции в тот момент занимали их куда больше²⁰³. И, если бы Конвент в этой ситуации повел себя более терпимо, не исключено, что восстания бы не произошло.

Однако продолжение в Конvente антипарижской риторики и его расправа с волнениями в тех коммунах парижского региона, которые состояли в переписке с секциями, вновь активизировала конфликт. Собрания секций восприняли происходящее как возвращение к временам диктатуры монтаньяров и Террора. Одновременно стало очевидно, что Конвент не остановится перед применением силы.

В обращении секции Лепелетье к другим секциям Парижа говорилось:

«Кровь течет в Дре, это кровь граждан. Они обращают к нам залитые слезами глаза, они протягивают к нам свои искалеченные руки, они взывают к нам. Позволим ли мы их удушить? [...] Будет ли невинная кровь литься без конца по вине убийц и палачей? [...] Придем же на помощь нашим братьям!»²⁰⁴.

Призыв лишить Конвент всех прав и больше не подчиняться ему прозвучал во Французском театре на собрании части парижских выборщиков 11 вандемьера (части – поскольку по декрету Конвента выборщики не имели права собираться раньше 20-го). Однако и там он не получил поддержки: выборщики отложили решение этого вопроса, сославшись на отсутствие кворума и больше к нему не возвращались. Ни о каком восстановлении монархии на этом собрании речи ни шло; напротив, по данным Комитета общей безопасности, председательствующий провозгласил в своей речи: «Как можно думать о восстановлении монархии? Эта форма правления отслужила свое. Те, кого она

²⁰¹ Procès-verbal de la Convention Nationale. Imprimé par son ordre. P., IV. Vol. 70. P. 68-69.

²⁰² Vasselin G.V. Op. cit. Vol. 4. P. 146.

²⁰³ Aulard A. Op. cit. P. 284 (1 октября).

²⁰⁴ Цит по: Zivy H. Op. cit. P. 44-45.

прельщает, смогут лишь развязать гражданскую войну»²⁰⁵. Со своей стороны, Конвент также явно был настроен решить дело миром: зная о готовящемся собрании выборщиков, он не чинил ему никаких препятствий, однако принял декрет, по которому завершившим выборы первичным собраниям предписывалось разойтись, а выборщикам запрещалось собираться досрочно. Одновременно, Конвент провозгласил амнистию всем, кто нарушил закон в связи с работой первичных собраний. И выборщики действительно разошлись, не дожидаясь прибытия войск.

Таким образом, первый раунд противостояния закончился вничью, однако семь наиболее активных секций решили не мириться с поражением и уже вечером 11 вандемьера объявили себя восставшими. Для разрешения сложившейся ситуации Конвент назначил комиссию из пяти своих членов и призвал под ружье верных ему санкюлотов. Время ненасильственных действий кончилось: мятежникам оставалось только попытаться взять Конвент штурмом и силой заставить депутатов сложить свои полномочия.

Есть ли в материалах полиции доказательства того, что за этим, в первую очередь, стояли роялисты? Отнюдь. Накануне мятежа слова об активизировавшихся в секциях роялистах там действительно появляются, однако принадлежат они не работавшим на улицах агентам, а составителю резюме полицейских сводок, и носят, скорее, политический характер, нежели говорят о каких бы то ни было конкретных фактах.

Первый раз это происходит 11 вандемьера:

«Наконец, секция Лепелетье сбросила маску и, решив отправить своих выборщиков во Французский театр, приняла постановление, продиктованное возмущением и анархией, а роялизм разнес его по остальным первичным собраниям»²⁰⁶.

В столь же отвлеченном контексте отсылки к роялизму звучат еще трижды: двенадцатого («по счастью, гений свободы бдит, и пагубные вопли роялизма не были услышаны большинством секций»; «партия выборщиков, усиленная шуанами, журналистами, богато одетыми дамами»²⁰⁷) и четырнадцатого вандемьера («густая вуаль, накинутая злым умыслом, роялизмом и анархией на глаза всех классов граждан, наконец сорвана»²⁰⁸).

²⁰⁵ Aulard A. Op. cit. P. 291-292.

²⁰⁶ Ibid. P. 286 (2 октября).

²⁰⁷ Ibid. P. 289, 290 (3 октября).

²⁰⁸ Aulard A. Op. cit. P. 299 (5 октября).

Однако от 12-14 вандемьера в Национальном архиве сохранились не только полицейские донесения, но и множество докладных записок, составленных агентами Комитета общей безопасности. Если судить по публикации А. Олара, то за секциями и военными действиями наблюдали очень пристально, а парижане не чинили работе агентов никаких препятствий. И, тем не менее, в этих донесениях нет никаких следов историй, связанных с роялистской символикой, которые попали в газеты и в доклад Барраса. Да и в принципе упоминаний о промонархических настроениях в секциях всего три, из которых, пожалуй, особенно привлекает внимание одно:

«Лепелетье. Частные лица, располагавшиеся в штаб-квартире, на улице Фий-Тома, приглашали проходивших мимо зайти и взять оружие и порох, чтобы сражаться с Конвентом и террористами, говоря, что лишь король может сделать нас счастливыми»²⁰⁹.

Два других сообщения существенно менее интересны. Одно доводит до сведения Комитета общей безопасности разговоры рабочих о том, что секциями руководят роялисты²¹⁰. В другом пересказывается слух о том, что «роялисты, чтобы повлиять на нестойкие умы, показывали многим лудоры; речь идет о том, что это были лудоры с изображением Месье и с именем Людовика XVII»²¹¹. Однако слух этот, как и многие другие, остался не более, чем слухом.

* * *

Подведем итоги. Полностью осознавая, что рассуждения о характере того или иного восстания неизбежно носят довольно условный характер, нельзя не отметить, что ни у современников, ни у историков, по сути, нет никаких оснований называть восстание 13 вандемьера роялистским.

Являлись ли роялисты его тайными организаторами? Каких-либо доказательств этому нет. Хотя среди лидеров секций люди, сочувствовавшие идеалам монархии, судя по всему, были, то, что они играли существенную роль в подготовке восстания, представляется весьма сомнительным: по крайней мере, у нас нет никаких свидетельств их решающего влияния.

²⁰⁹ Ibid. P. 297 (4 октября).

²¹⁰ Ibid. P. 296 (4 октября).

²¹¹ Ibid. P. 302 (5 октября). Титул Месье носил до провозглашения королем в начале лета 1795 г. брат Людовика XVI и дядя Людовика XVII граф Прованский. Деньги с именем Людовика XVII действительно выпускались, однако вызывает серьезное сомнение существование монеты с именем короля и портретом регента.

Участвовали ли роялисты в мятеже? Несомненно. Однако с уверенностью можно говорить о присутствии в рядах восставших лишь очень небольшого количества сторонников монархии, чьи политические симпатии на тот момент подвластны четкой идентификации.

Было ли восстание на руку приверженцам монархии? Безусловно: разгон Конвента и отмена декретов о двух третях позволяли монархистам (прежде всего, конституционным) надеяться на преобладание в новом Законодательном корпусе.

Располагал ли Конвент свидетельствами о том, что мятеж был делом рук роялистов? Едва ли: эти свидетельства никогда не были обнародованы – в качестве таковых была представлена лишь переписка Лемэтра, однако сейчас нам известно, что его прожекты так и остались на бумаге.

Впрочем, как это ни парадоксально, и той, и другой стороне было выгодно объявить мятеж делом рук роялистов: сторонникам Конвента это позволяло оправдать декреты о двух третях и применение войск против жителей Парижа, а сторонникам монархии давало возможность создать преувеличенное представление о своем влиянии, якобы позволившем вывести на улицы столицы двадцать с лишним тысяч человек. Так и родилась легенда об этом последнем массовом вооруженном движении эпохи Французской революции, живущая уже более двух столетий.